

Колдовские миры

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

Тайяна
Влюбиться в небо

Легко сказать — я остаюсь. А как быть, если у других на тебя свои планы?

Один втягивает в расследование, второй предлагает заключить помолвку, а влюбилась-то ты вовсе даже в третьего? К тому же в Далинар приезжает из Леса отвергнутый жених.

Но словно мало этого — убита дочь градоправителя и еще две девушки, а все улики указывают на Тайяну и ее волчицу. Теперь, чтобы оправдаться, девушке из народа нархи-ро придется найти настоящего виновника трагических событий.

Глаза боятся, а руки делают, сердце верит, а крылья готовы унести в небо. А если сама не справишься, любимый поможет! Еще бы только разобраться, который из...

Галина Гончарова

Тайяна. Влюбиться в небо

© Гончарова Г. Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

— Ро-о-о-о-шер! Ну Ро-о-о-ош!!!

Четыре жалобных глаза и два умоляющих выражения на мордах лиц (одной морде и одном лице) ничуть не смягчили бывшего стражника. Хотя Ааша очень старалась, даже язык высунула.

— Вот придем — сама увидишь.

— Ну хоть что-то Расскажи!

— Я расскажу, а ты мне или не поверишь, или я окажусь пристрастен.

— Не окажешься.

— А вдруг? Я ведь человек...

— Я же от любопытства умру! Ро-о-о-о-ш! Имей совесть!

Тайяна ныла вдохновенно, наслаждаясь каждой минутой, и, увы — безуспешно. Рошер Вайст молчал, как большая рыба. Например, кит^[1].

Ааша громко засопела. Рошер посмотрел на волчицу и фыркнул:

— А тебе там точно понравится, морда лохматая. Там палисадник есть.

«Лохматая морда» фыркнула. Ей в принципе не нравился человеческий город, но раз уж хозяйка решила здесь поселиться...

Потерпим.

Луч солнышка пощекотал Тайяне нос — и та улыбнулась. Как же мало надо для счастья!

Всего пару месяцев назад она была в отчаянии. Перспектива брака с нелюбимым, длинная жизнь в Лесу, в которой ничего и никогда не поменяется, тоска и скука...

А оказалось, надо просто менять все самостоятельно. Не нравится Лес — уйди из Леса. Не нравится жених? Удрать от жениха! Авось его кто-то да подобрал!

Яна готова была молиться за такой исход хоть богам, хоть Лесу. И даже если кидаешься очертя голову в Разлом — ведь и там можно найти помощь! Пусть это сложно, но если ты решаешься идти — дорога сама подталкивает тебя в пятки! И обязательно на ней встретятся и друзья, и приключения...

Вот как здесь, в Далинаре.

Не успела Тайяна сойти на берег, как умудрилась предотвратить покушение на лару Аэлену Алинар. Которая и стала впоследствии ее подругой, познакомила с Рошером...

А еще — Яна поняла, чем ей интересно заниматься. Искать тех, кто нарушает человеческий закон. Наблюдать за людьми, сопоставлять...

Странное занятие для нархи-ро?

Странная нархи-ро.

Да и пусть. Зато довольная!

Если бы еще Рошер, гад такой, сказал, куда они идут!

Последние дней десять Яна подыскивала себе жилье. И это было ох каким нелегким занятием!

С точки зрения людей, сдающих комнаты, самым лучшим жильцом был мумифицированный труп человека. А что? Лежит тихо, не пахнет, никого не водит, никуда не ходит, кормить его тоже не требуется, детей не приведет, домашних животных не заведет...

Яна этим критериям не соответствовала ну никак. И доставалось ей от возможных квартирных хозяек по полной программе. Ну как — доставалось? Нархи-ро не отвечала их идеалам квартирсыемщика, а они — идеалу квартирной хозяйки, о чем и сообщалось друг другу в ходе беседы. До оскорблений не доходило, все же Ааша способствовала резкому отращиванию вежливости у любых собеседников.

Да и требований у Яны никак не меньше, чем у хозяек. Ааше требовался палисадник — это в худшем случае. В лучшем — выход куда-нибудь, где волчица сможет размять лапы. Но где найти такое место в городе?

К тому же Яна хотела жить в доме, где нет детей, не слишком строгая хозяйка и не будут читать нотаций. А, да.

Любовь к порядку приветствуется, но...

Лично Яна воспринимала уборку, даже в Лесу, как разновидность жестокого издевательства. Поэтому человек, который будет стоять у нее над душой и требовать срочно навести порядок...

Бр-р-р!

Легко ли найти такое место?

Очень тяжело.

Где-то плохо принимали Аашу, где-то саму Яну, в одном месте хозяйка вообще отказалась пускать их на порог, объяснив, что они ж не люди! Четырехликому не молятся? Точно — нелюди! А человек — это тот, кто раз в два дня ходит в Храм на службу, и иначе никак.

Яна плюнула, развернулась и ушла.

А время покусывало.

Скоро должны вернуться из столицы Аэлена с мужем, и Яна собиралась к этому моменту найти куда съехать. Да, ей позволили пожить в доме Авельенов, но пора бы и честь знать? Нет ничего хуже превращения дружбы в раздачу милостыни. А эти отношения Яна ценила.

Можно и купить дом. Продать часть жемчуга, поискать удобное местечко — и раскошелиться, но... пока — не хотелось. Почему-то Яна не спешила обзаводиться своим имуществом. Не тянуло.

— Ро-о-о-шер!

— Да мы уже почти пришли. Смотри.

Яна пригляделась.

Домик. Совсем небольшой, одноэтажный, с красной черепичной крышей, маленьким окошечком мансарды и небольшим крыльцом. Зато палисадник — всем на зависть. Если б не был таким заросшим. Видно, что когда-то за ним ухаживали, но это было давно и неправда. Изгородь покосилась до такой степени, что ее проще сжечь и новую поставить, деревья вымахали, как им нравится, сорняки по пояс высотой, дорожки поросли чем попало...

Сам домик тоже кажется ухоженным лишь издали. Вблизи же...

Побелку давно пора подновлять, окна если и откроются, то вместе с куском стены, крыша наверняка протекает...

— Что это за руины счастливой жизни?

— Руины счастливой жизни? Тонко подмечено, милая лайри.

Яна пригляделась.

В глубине палисадника, на скамейке, сидел мужчина. В возрасте, можно сказать — старик. Но это была красивая старость. Из тех, что не сгибает спины, но высыпает на волосы снег и подчеркивает морщинами внутреннее благородство души.

Приятная улыбка, спокойное лицо, изящные руки, которые лежат на набалдашнике трости — кстати, самом простом, деревянном, — да и одет мужчина недорого, вовсе не так, как сама Яна...

Она и не знала, что ее одежда уж очень дорога по меркам людей, Аэлена просветила.

— Присядете рядом со мной? Здравствуй, Рошер.

— И вам здоровья, Славерус.

Мужчина подвинулся на скамейке — и Яна с удобством уселась рядом. Подтянула ногу к груди, как привыкла, улыбнулась в ответ.

— Тайяна э'Лесс Риккэр, будем знакомы.

— Славерус Атион. Рад знакомству с лайри.

— Я посчитал, Яна — хорошее решение твоей проблемы, — вставил свои два медяка Рошер.

Яна поглядела на него:

— Проблемы? Какой?

— А вот этой, милая лайрию. — Мужчина широким жестом обвел дом. — Именно этой.

Яна смотрела непонимающим взглядом, и Атион вздохнул:

— Рошер промолчал, верно?

— Я думаю, вы и сами расскажете, — выкрутился Рошер.

— Расскажу, если лайри интересно.

— Люди не могут быть неинтересными.

Прозвучало это так серьезно, что мужчины переглянулись, улыбнулись — и Славерус принялся рассказывать.

— Печальная история, лайри Риккэр, очень печальная для меня, но, возможно, поучительная для вас. Это мой дом, я сам его строил, но жить в нем не могу. Увы...

— Называйте меня Яна.

— Хорошо, Яна. Так вот вышло... Я был молод тогда и достаточно глуп. Влюбчив, благороден до глупости, а еще рядом не нашлось никого, сумевшего вправить мне мозги. Увы...

История Славеруса была не особенно банальной, так что Яна слушала с интересом.

Юноши влюбляются — это ни для кого не секрет.

Часто влюбляются в женщин чуть старше. И Славерус не оказался исключением. Его первой женщиной стала Валайра Тармин. Валайра была старше парня на семь лет, а также куда более опытной и знающей, чего она желает от жизни. Славерус и сам не заметил, как оказался сначала в ее постели, а потом и рука об руку в Храме.

Тоже бывает. И никому не мешает жить счастливо.

А вот то, что у любимой женщины уже есть сын и живет он на полном пансионе у кормилицы, видя маму раз в месяц, Славерус узнал только через год после свадьбы.

Мягко говоря — ему это не понравилось. Разгорелся скандал.

Валайра кричала, рыдала, умоляла, падала на колени и грозила покончить жизнь самоубийством.

Славерус...

Да, сейчас он понимал, что зря, но тогда он был мальчишкой! И что такое шантаж — представлял плохо, особенно в применении к себе.

И поддался.

Тогда Валайра сломала его первый раз. Потом она поняла, как надо действовать, и, не будучи отягощена благородством, стала делать это постоянно. Мальчик по имени Тенсор был взят домой, усыновлен, получил фамилию Славеруса, и тот даже попробовал его воспитывать... Без особого успеха. Мальчишка его с самого начала терпеть не мог, хотя если на кого и злиться, так это на мамашу, которая боялась потерять жениха и прикидывалась ну если и не невинной девушкой, то уж точно порядочной.

На мать мальчишка не злился, обожал ее болезненно и ревниво, а та обожала Славеруса. Что и обеспечивало семейству дикие сцены ревности и зависти в исполнении щенка.

Хотя и с Валайрой было не так просто. Любить-то она мужа любила, но рожать ему детей не собиралась. А зачем? У нас уже есть сын!

Вот тут Тайяна даже головой помотала. Разве так можно?!

— И вы...

— У меня нет детей, лайри, если вы об этом. Пока была жива Валайра, я не смотрел на других женщин, а потом было слишком поздно.

Яну передернуло — и она от всей души пожелала неизвестной Валайре в следующей жизни стать червяком. Вот стерва!

— А у вас есть братья или сестры?

— Нет. Я один у родителей.

Тайяна поежилась.

Да есть ли границы человеческой глупости и подлости? Она ведь *его род пресекла!* В Лесу за такое и убить могли. Когда, зная о своем бесплодии, нархи-ро сознательно обрекал род партнера на вырождение!

Крылатых хранителей Леса слишком мало, чтобы позволить себе потерять хотя бы одну линию. Что там линию — даже веточку какой-либо линии! Яна отлично понимала, что, не будь у нее братьев, она бы не решилась сбежать — ведь она лишила бы Лес рода Риккэр! А это неправильно! Подло и гадко!

Безусловно, бесплодные нархи-ро встречались, хотя и реже, чем люди. Но если такое не вылечивалось, если не находилось выхода, а нархи-ро желал создать семью — этим занимались жрецы. Они беседовали с обоими сплетающими волосы, объясняли ситуацию и мягко рекомендовали тому из пары, кто мог иметь детей, завести их. Можно — втайне.

В любом случае о настоящем отце или матери не узнал бы никто посторонний, имелись и возможности, и способы...

Звучит не по-человечески?

Так нархи-ро и не люди.

Славерус кашлянул, намекая, что уходить так глубоко в себя стоит не во время беседы, а после. Яна тут же раскаялась и хлопнула ресницами.

— Простите. Я слушаю...

И было что еще послушать.

Время шло, Славерус работал каменщиком, Тенсор рос, Валайра... Тут было сложно. Она была старше мужа, а значит, старела быстрее — и все чаще закатывала ему скандалы. Ревновала, мучила... Не отставал от нее и пасынок.

Почему-то оба были уверены, что Славерус только и ждет, как изменить жене.

— А это и правда так?

— Нет. Но иногда хотелось. Хоть подозревали бы не напрасно.

Рошер тихо фыркнул. Ааша поддержала. Яна взгляделась в волчицу. Ааша смотрела спокойно, значит, Славерус говорил правду. Может быть, его восприятие слишком субъективно, но он не лгал. Ни на минуту.

— Что случилось дальше?

А что могло случиться?

Когда Тенсору было шестнадцать, мальчишка вконец отбился от рук. Портовый город предоставляет множество соблазнов, и противостоять им — нужна сила воли. У Тенсора не было ни силы, ни желания. Более того, ему хотелось то ли насолить родителям, то ли обратить на себя внимание.

Вино, курительная смолка, женщины... Одна прожила с ним два года — не выдержала. Сбежала. Потом, через пару-тройку лет безудержного пьянства... Вы знаете, что это такое — алкоголик дома?

Те, кто знает, — поймут. Это вечная жизнь на активированном заклинании вулкана, иначе и не скажешь. Постоянное ожидание худшего, причем не ясно, должно ли оно случиться с сыном или из-за него.

Пару раз Славерус впал в отчаяние и крепко отлупил пасынка. Не помогло.

Валайра закатывала истерики и умоляла чуть ли не на коленях. Тоже не помогало.

Выгнать мальчишку из дома? Из этого, кстати, собственноручно построенного? Стоило бы, но куда?

Один он пропал бы.

Яна фыркнула, и Славерус ухмыльнулся в ответ:

— Не пропал бы. Верно. Жене я этого доказать не смог.

Это Яна понимала. А...

— Храм?

— Ничего не помогало. В любой магии ключевым является желание вылечиться или стать лучше. Тут же...

Он не договорил, но и так ясно. Желание у мальчишки отсутствовало напрочь. А зачем? Да и не мальчишка уже...

— Когда Тенсору было уже к тридцати, он женился. На женщине с ребенком. Редкостная гадость, кстати говоря. Что она, что его пасынок... Горшок нашел крышку.

— А содержал эту крышку кто?

— Увы, милая лайри. Какое-то время мы все жили в этом доме. Мы с Валайрой, Тенсор с Лидейной, двое их детей...

— Двое?

— Ну, не просто ж так он женился. Сделал ей девочку и повел в Храм, когда у невесты живот на нос лез. Так что да — официально у меня двое внуков, Валайра и Альден.

— Валайра?

— Девочку назвали в честь бабушки.

— Понятно.

— Спустя примерно десять лет у меня появилась возможность купить небольшую комнату, куда я и отселил всю эту... шайку.

— Они были недовольны?

— О, еще как, милая лайри. Безумно недовольны. Переезд лишал их возможности... э...

— Захребетничать, — подсказал Рошер.

Славерус кивнул:

— Очень точное определение, Рош. Паразитировать, если пожелаешь. Валайра — жена — все равно давала им деньги, покупала что могла, но так было легче. Не приходилось слушать пьяные вопли под дверью, гонять собутыльников Тенсора, бороться с обезумевшим животным, которому срочно и сейчас нужна бутылка, успокаивать истерики Лидейны, возиться с их детьми, которые, по-моему, были рождены в запое и совершенно не нужны их родителям...

— Вам было очень тяжело?

— Безумно. И все же это не худшие годы моей жизни. Валайра и я... Мы любили друг друга. По-своему.

Яна не могла этого понять. Но это же люди! Они такие сложные, даже загадочные... Может, если она еще немного поизучает этого человека...

— Вы были счастливы, или не хотели ничего менять?

Славерус поморщился.

— А вы умеете задавать вопросы, лайри.

— И все же?

— Наверное, второе. Я рос в книжной семье, много читал, мечтал стать архивариусом или хотя бы библиотекарем...

— Но стали каменщиком?

— Валайра настояла. Нам вечно не хватало денег, так что доучиться я не смог.

На счет Валайры добавилась еще одна черная костяшка. Вот ведь... выскочила замуж за мальчишку и даже учиться тому не дала.

Стерва!

— Она вас ревновала?

— Да. Хотя кого бы я мог привлечь статусом книжного червя?

Славерус себя недооценивал или кокетничал. Даже сейчас, в старости, он потрясающе хорош. А каков был в молодости?

Ох-х-х!

Тайяна поежилась от неприятного ощущения. В этот раз особенно сильного, так, что даже собеседники это заметили.

— Лайри?

— Яна?

— Не обращайтесь внимания. Крылья режутся.

— Крылья? Я читал о нархи-ро, но...

Яна молча приспустила рубаху так, чтобы была видна часть спины. Да, не самое приятное зрелище. Воспаленная красная кожа, две набухшие широкие полосы, словно ее кто-то стукнул палкой — и болит так же. Уже не аккуратные валики, еще не крылья, но нечто неправильное, собирающееся переродиться в гармонию.

Переродится ли?

В Лесу у всех происходило по-разному, и итог был... неодинаков. У кого-то —

зародыши, у кого-то просто скелеты, у кого-то полностью развитые, но недействующие крылья... Жрецы пытались понять причину, но безрезультатно. Что будет у нее — Яна не знала. Но она ведь не в Лесу, так что переживет!

Этому она успела научиться от людей. Будущее еще не наступило, прошлое уже ушло, живи и не переживай из-за того, что ты не в состоянии изменить.

— Больно?

Вайст и Атион смотрели с искренним сочувствием.

— Как зубы режутся.

— И все время чешется?

— Самое печальное, сар, что чесать-то и нельзя. Может начаться воспаление. Есть мази, но... в Лесу. Мне, здесь и сейчас, они недоступны.

— Называйте меня Славерусом, Яна. Если договоримся, мне будет приятно.

Яна склонила голову:

— Итак?

— Я выставил Тенсора с семейством. А через пять лет умерла Валайра.

— Вам было плохо.

— Очень. Я словно лишился части себя. Мы сроднились за это время... Тенсор тоже был в отчаянии, но...

— Это не помешало ему уйти в запой?

— Очень точно подмечено. У нас с Валайрой имелась небольшая лавчонка, торгующая книгами. Пока я лежал и болел... После смерти Валайры мне было плохо, и лекарь сказал, что, если я займусь делами, рядом придется копать еще одну могилу. Так вот... Пока я был не в состоянии заниматься делами, Тенсор прибрал к рукам лавочку. Ну и прогорел, конечно.

— Кто бы сомневался? — Рошер чуть улыбался своим мыслям.

Ааша потянулась, встала с тропинки и потерлась о его ногу. Рошер привычно почесал волчицу за ухом. Славерус посмотрел на зверюгу с интересом:

— Это тоже...

— Да. В Лесу растят волков, как у вас — лошадей.

— И ездят на них?

— Если волки согласны. Они — свободный народ. Ааша имеет право отвергнуть меня и уйти в любой момент. Я дам ей свободу и пойму...

Тайяна не кривила душой. Да, они связаны с Аашей, но любая магия — это прежде всего свободное желание самого человека или зверя. Захоти они с Аашей разорвать привязку — и разорвут. Не важно, чье это желание. Хотя будет очень больно. Но и волки, и нархи-ро не станут жить в неволе.

— Волки иногда бывают благороднее людей... Когда я встал на ноги, Тенсор заявился сюда. Не могу сказать, что визит был приятным. Рошер знает.

— Вся улица знала, что уж там — Рошер.

— Он сообщил, что, поскольку я один, а у него семья, я мог бы и поменаться с ним местами. Переехать в его комнату, а он перевезет детей в этот дом. Или он все равно сделает это после моей смерти. Фактически мне предлагалось убираться на все четыре стороны. И меня это взбесило.

— Меня бы тоже, — призналась Яна.

— Я бросился в ноги градоправителю — и тот решил дело. Посчитал, сколько осталось после Валайры, сколько унаследовал Тенсор, сколько я... Одним словом, ему в

собственность выделили пятую часть дома. По честной оценке. У меня не было денег, чтобы выплатить мерзавцу его долю, у него не было денег выкупить мою, я имел право не пустить их сюда жить — пятая часть это слишком мало, здесь просто нет места, но... приходиться и трепать мне нервы они могли.

— И занимались этим вдохновенно?

— Это еще мягко сказано, Яна. Я похудел, ни дня не проходило без скандалов и истерик, а мое здоровье — вы понимаете...

Интересно, на что рассчитывал неведомый ей Тензор? Получить согласие отца на переезд или свести его в могилу? Пусть отчима, но ведь он же усыновленный...

— Потом я встретил Рамишу, мою вторую жену. Она поняла меня, сейчас мы живем у нее...

— А Тензор?..

— Мы живем очень тихо, за городом.

— И он не может вас найти?

— Я знаю, что пытается, но я почти не выбираюсь сюда. За домом приглядывает соседка, но недавно она умерла.

— И?

— Вам нужно жилье. А мне нужен жилец, который будет смотреть за домом, платить мне пусть небольшую, но ренту, и гонять Тензора с семьей. Мы честь по чести составим договор — и вы станете тут законной хозяйкой.

— То есть?

— Я подарю вам этот дом на озвученных условиях. Вы выплатите мне за него определенную сумму — будете платить каждый месяц, пока я жив, а потом, когда я умру, выплатите остаток Рамише. Рошер заверил, что вы не обманете.

— Не обману.

— У нее тоже нет детей, так что два дома нам ни к чему, а деньги пригодятся.

Яна подумала немного:

— Сколько?

Названная сумма была очень божеской. И в месяц — и общая. Она снимала бы комнату за те же деньги, если бы нашла где, а сейчас будет платить их за свое.

Свое — в перспективе.

— Почему — я?

— Потому что пятая часть принадлежит Тензору. И когда вы получите дом в свое распоряжение, на вас начнется атака.

Яна хмыкнула. На нее?

Атака?

Ну-ну...

— Ааша?

Волчица чуть шевельнула хвостом. Вот уж кто ни минуты не опасался.

— И ее, — кивнул Славерус в сторону Ааши, — могут попробовать отравить.

В глазах волчицы читалось чисто человеческое презрение. Ее? Отравить? Она что — шавка, из чужих рук куски хватать?

— Те, кто знает ситуацию, не хотят связываться с Тензором и его семейкой.

— А тем, кто не знает, рассказываете вы.

— Да.

Яна подумала.

— А можно осмотреть дом?

— Разумеется, Яна.

Дом оказался идеальным. Ну, для нее — точно. Три небольшие комнатки, кухня, колодец на заднем дворе, небольшая будочка, стыдливо скрытая листьями плюща, и — что привело Яну в восторг — ванная комната! При доме!

Конечно, воду надо таскать ведрами, но слив устроен так, что грязная вода может поливать сад.

Яна задумалась.

В одной из комнат будет гостиная, в другой — спальня, в третьей — кабинет и библиотека. Для девушки из рода Риккэр — необходимость. У Ааши есть палисадник, но им и в доме будет неплохо.

Мансарда на втором этаже тоже уютна и аккуратна. Вообще здесь виднелась заботливая хозяйская рука — но давно, так давно... Вязаные салфетки — но дико грязные, резная мебель, где покосившаяся, где треснувшая, коврики, которые лучше выкинуть сразу, но в свое-то время их подбирали с любовью. Даже роспись стен жутковатыми, с точки зрения нархи-ро, цветочками — и то!

— Вы любили этот дом.

— Я был тут счастлив. Я сам его строил и не хочу отдавать в плохие руки.

Яна кивнула.

— Пожалуй, я соглашусь. Я подумаю еще? Немного, с часик?

— Конечно. Я пока побуду тут, прилягу.

Яна кивнула.

Она видела и тени под глазами Славеруса, и нездоровую желтизну кожи — для кого-то она прячется под загаром, но нархи-ро не обманешь — слышала нездоровое, с хрипами, дыхание...

Сколько еще протянет этот человек?

Лет десять?

Да, вряд ли больше. В Лесу ему могли бы помочь, но если она вырастит нужные травы и сделает настои, тоже справится. Наверное.

Да, будет палисадник — это хорошо. Ааша сможет там гулять, а Яна наконец посадит травы. Да и тот корешок из Разлома — тоже. Проведет обряд благодарности Богам. А еще...

Этот дом не сильно привяжет ее к себе. Не придется продавать жемчуг. Чтобы выплачивать ренту, хватит и ее бордельного заработка. Благо Ш'аальзея ухватила за Яну двумя руками и всеми зубами. А что? Такого специалиста, как нархи-ро, еще поискать!

Регулярно, два-три раза в неделю, Яна учила девочек владеть своим телом, обольщать и покорять. И ученицы были очень благодарны. Они искренне старались взять от Яны все возможное, понимая, что век проститутки, даже самой элитной, короток. А чтобы продать себя подороже и перейти в содержанки или даже в жены, наложницы, надо уметь привлечь и удержать мужчину.

С другой стороны, это гарантировало Яне текучку кадров в борделе и более-менее постоянную работу.

Аэлена попробовала было заговорить с нархи-ро о деньгах, но наткнулась на обиженный взгляд и замолчала. Брать деньги с друзей?

Пф-ф-ф-ф! До такого даже люди не всегда докатывались!

Они с Рошером вышли из палисадника и медленно пошли по улице.

— Рошер, а ты живешь поблизости?

— Да, — кивок в сторону был красноречив.

— Это хорошо...

— Ты ведь уже согласилась?

— Хотелось бы знать, что меня ждет, если соглашусь.

Рошер поднял брови.

— Яна, что может вытворить семейка злобных дураков — не знает никто. Но ты не беззащитна. У тебя есть я, есть Ааша, есть Авельены. Ты нархи-ро, ты знакома с градоправителем, и Храм тебя тоже принял — после того дела. В то же время тебе негде жить, и я не думаю, что у тебя много денег. Полагаю, ты и Славерус можете помочь друг другу.

— Да, пожалуй.

— Ты согласишься?

— Это странное предложение, но... соглашусь.

Яна и не знала, что этими двумя словами впуталась в новую историю.

* * *

— Лойрио Эрен, рада вас видеть.

— Лайри Риккэр, ваш визит — честь для нас.

Бумаги должны оформляться в канцелярии градоправителя, а нархи-ро туда заходят нечасто. Собственно, Яна — единственная, кто мог это сделать.

— Ну что вы, лойрио. Надеюсь, у вас все в порядке?

— О да, я даже получил благодарность от короля за предотвращение наглого и бесовестного преступления!

— Это великолепно!

— Да, и во многом — благодаря вам с сатро Вайстом.

Яна улыбнулась:

— Наш вклад был невелик.

— Не буду спорить с вашей скромностью, лайри, но надеюсь сделать для вас что-нибудь... Вы пришли оформлять бумаги?

— Да, лойрио.

— Оставьте здесь. Они будут готовы в течение двух дней.

Секретарь закивал так, что Яна даже обеспокоилась — не повредил бы голову.

— Благодарю, лойрио.

Славерус молчал, глядя на градоправителя. Но лойрио Эрен и не удостоил его своим вниманием. Собственно, хотел бы, но...

— Лойрио...

Мужчина в костюме слуги протянул градоправителю небольшой конверт. Лойрио Эрен тут же открыл его, взгляделся в несколько строчек, выругался.

— Ох, простите, лайри. Мне надо срочно идти, но... Такр, ты запомнил?

— Да, лойрио. Два дня, лойрио.

— Отлично.

Градоправитель кое-как извинился, попросился и исчез за дверью. Яна перевела взгляд на секретаря.

— Сатро?..

— Сатро Такр к вашим услугам, лайри Риккэр. Сар...

— Славерус Атион, также к вашим услугам, сатро.

Мужчины обменялись улыбками. А Яна тем временем...

Градоправитель был не слишком внимателен, засовывая в карман письмо. И — да. Конверт выпал и сейчас лежал на полу у двери. Яна сделала шаг, другой, нагнулась зашнуровать декоративную вязку на сапожке...

Письмецо перекочевало в ее карман так ненавязчиво, словно там и родилось.

Некрасиво лезть в чужие дела и тайны?

Кто бы спорил! Очень некрасиво! Но так интересно...

В письме оказалась всего пара строчек.

Эрен, она опять сбежала!!!

Срочно возвращайся!

Л.

Записка была продемонстрирована Рошеру, но тот только плечами пожал:

— Да это всему городу известно. У лойрио дочь — настоящая беда. Сын-то неплохим уродился, а вот дочка с пятнадцати лет выпивать начала, потом по рукам пошла, из дома сбежать стала, к курительной смолке пристрастилась... Чего он с ней не делает, бедный!

— А давно она так?

— Да уж года три, кабы не больше.

Яна сочувственно кивнула. Лойрио Эрена было жалко. Дети — это наши крылья, считали в Лесу. И вот когда они такие... надломленные... наверное, очень больно и страшно.

— Жалко...

— А стоит ли жалеть избалованную соплюшку, которая решила, что ей все позволено? — Рошер смотрел серьезно. — Мой десяток пару раз вытаскивал ее из притонов, куда нищие заходить побрезгуют! У нее есть все, что нужно для счастья, а она разрушает себя просто потому, что ей нравится.

— Это так сложно...

— А в Лесу таких не бывает?

— Нет... Избалованные — не редкость, но крылья или их отсутствие сильно меняют нархи-ро. Когда прорезаются.

— Ты тоже поменяешься?

— Да, наверное.

— И сильно?

— Не знаю. Не думаю, что ты заметишь разницу. Мы становимся взрослее, осознаем себя как часть Леса, начинаем чувствовать ответственность...

— А обратно в Лес не потянет?

— Нет. Это — нет.

Яна подумала про Шетарана и передернула плечами. Вот еще!

Ни за что и никогда! Никакого возвращения, пока не пройдет минимум двадцать лет! Вот!

Шетаран тоже думал о своей беглой невесте. Правда, весьма и весьма нелестно.

Нархи-ро отвратительно переносил море. Его тошнило, рвало, выворачивало буквально наизнанку, голова болела, в глазах плыли круги... И самое обидное — это происходило только с ним!

Где справедливость?!

Ни старший группы, ни остальные ничего не ощущали, а он от борта отойти не мог. И ведь не успокаивалось, не утихало мерзкое ощущение!

Моряки поглядывали с издевкой, нархи-ро — презрительно... Одним словом — весь мир обратился против Шетарана, и ему это резко не нравилось!

А все из-за Тайяны!

Глупая девчонка!

Вот что ей стоило остаться в Лесу?! Чего не хватало?!

Он обязательно ее об этом спросит! И не только об этом! Ей-ей, она не стоит таких мучений! Ни одна женщина не стоит...

Желудок стиснуло очередным спазмом, и Шетаран сплюнул горькой желчью за борт.

Попадешься еще, мерзавка! Ответишь за мои мучения!

Думал про Яну и лойрио Ланист Каррер.

Он уже успел прогуляться с нархи-ро по ярмарке, выслушал поздравления друзей со знатной добычей и улыбался в ответ с непринужденностью истинного бабника.

Подумаешь, пока у них ничего не было?

Так будет!

Он молод, хорош собой, умен, обаятелен, к тому же лойрио... Как с таким не закрутить? Жениться на нархи-ро, конечно, не женятся, это извращение, но в малых дозах — почему нет? Пусть извращение, но в жизни ведь надо всего попробовать? А вдруг у нархи-ро там... иначе устроено? Или они дают как-то по-другому?

Узнать хотелось.

Впрочем, как истинный бабник, Ланист не собирался обижать или принуждать девушку. Вот уж это — точно удел убогих!

Нет, у них все будет красиво.

Ухаживания, цветы, конфеты, прогулки и даже стихи — потому что сам процесс захватывает настоящего ценителя никак не меньше, чем результат.

А потом...

Потом они побудут вместе какое-то время, может, месяц, может, год, и разойдутся, ко всеобщему удовольствию.

Отношения надо уметь не только начинать, но и заканчивать красиво — и настоящий ценитель прекрасного пола сделает так, что женщина уйдет сама. Еще и хвастаться этим поступком будет.

Вот, я его бросила, и правильно сделала. Ненадежный он человек для семейной жизни...

Ланист так и собирался поступить.

А что тут скажешь?

Да, ненадежный, да, шалопутный и ненагулявшийся. Вот и дайте погулять, в том числе и с нархи-ро! Она будет довольна, уж это он гарантирует. Пока еще его способностями в постели, да и вне ее, недовольных не было.

Ланист прижмурился разомлевшим котом, вспоминая невысокую, почти мальчишескую фигурку нархи-ро. Спору нет, обычно он предпочитает женщин... пообъемнее. Таких, у которых есть за что подержаться. Но это же нархи-ро!

Экзотика!

Как тут не попробовать?

Вот прогулялись они последний раз, теперь надо чуть подождать, чтобы женщина думала о новой встрече — и опять к ней. Нанести укол — и отпрянуть, чтобы она сама тебя атаковала, охотилась, чтобы думала, будто она — охотница, а никак не дичь, на которую расставлены капканы. Это так забавно...

Ланист улыбнулся этим мыслям.

Да, скоро, уже через пару дней, состоится следующая встреча.

* * *

Переезд осуществился в три дня. Да и что там собирать у Яны? Все пожитки вместились в небольшой заплечный мешок, Ааша пометила на прощание угол дома — и переехали. Просто перешли из одного квартала в другой.

Авельены должны вернуться через пару дней, а это время и Гарт за домом присмотрит. Он, кстати, решение одобрил и даже предложил помощь. Яна отказываться не стала.

Да, с садом она могла разобраться сама, это удовольствие для нархи-ро. Пообщаться с растениями, кого-то уговорить расти лучше, кого-то выставить из своего сада — это в Лесу умели все, и никакой магии не требовалось.

Лес — это ведь живое существо. Те, кто в нем живет, понимают это особенно отчетливо. И деревья, трава, кусты — его часть. Тоже живая, дышащая, мыслящая...

А двое живущих всегда могут столкнуться. Так или иначе.

Яна готова была договариваться с садом, но во имя всего самого святого — уборка?!

Уборка — разновидность пытки.

Нархи-ро неплохо готовила, могла шить и при необходимости вязать, хотя ей это и не нравилось. Но убираться?

О-ох...

Не дано. Под угрозой смерти Яна могла попробовать прибраться, но получалось отвратительно. Даже в своей комнате она находила одну и ту же вещь в трех разных местах, которые вовсе для нее не подходили. Вот бывают такие счастливые женщины — они еще в комнату не вошли, а там уже занавески погладились, цветы расправились и всякие уютные мелочи стоят.

А бывают и такие, как Яна.

В принципе, даже если по ее дому змеи начнут ползать, она и ухом не поведет. Лишь бы на книги не покушались.

Ужас?

А ничего ужасного, как есть — так и есть. Тяжелое наследство рода Риккэр, в котором имелись книгочеи, архивариусы и знатоки языков, но не замечено ни одного уборщика. Не дано.

Для Яны уют там, где много книг. А вот для всех остальных...

По счастью, она это понимала, а потому, когда Гарт предложил помощь...

— Нужен кто-то, кто поможет мне.

— Яна, говори честно!

Рошер был полностью в курсе проблем нархи-ро:

— Гарт, нужен кто-то, кто отскребет дом сейчас и не даст зарости грязью потом.

Потому что наша подруга протрет стол и стул, а потом сядет, зачитается и обо всем забудет.

Яна скорчила рожу, хотя нарисованная Рошером картина была идеально близка к действительности.

Гарт задумался.

— Ну, отскрести дом — это я могу и своих служанок послать.

— Вот еще!

— Заплатишь сверхурочные. — Лойрио знал, что гордость не позволит нархи-ро принять помощь просто так. — И служанкам приработок, и тебе польза. А я им на этот день дам выходной. Авось не умру голодный и холодный.

— Спасибо.

— А поддерживать чистоту... Приглядишься к ним. Договоришься — так одна будет к тебе приходить раз в десятинку. Наведет порядок да уйдет. Стирать белье можно у прачек, готовить...

— Я умею.

— Правда?

— И даже угощу вас на новоселье. Обещаю.

— По рецептам нархи-ро?

— Если захотите.

Естественно, мужчины захотели.

И старый дом ожил. Взорвался шумом голосов, девятым валом пыли, взмахнул крыльями отчищаемых окон и запел открываемыми дверями.

При уборке присутствовал и Славерус. А вдруг? Есть же памятные вещи, с которыми расставаться не хотелось! Просто не все можно собрать и унести сразу, а бросать — тоже неправильно. И никто не распознает ценности такой вещи, кроме ее хозяина... А тот поднимет старую игрушку, прижмет к щеке и вспомнит, как светились детские глаза, когда принес ее домой. Некоторые вещи могут хранить моменты нашего счастья и возвращать, если понадобится.

Яна не наблюдала за уборкой, все равно не заметит огрехов. А вот покопаться в саду — это запросто.

Она нашла там мяту, базилик, укроп, красную смородину и шиповник. Правда, задушенные сорной травой и забитые крапивой. Но они были. И Яна взялась расчищать, разговаривать, объяснять, что хозяев долго не было, а теперь вот они вернулись — и все будет хорошо.

Растения прислушивались и тянулись к свету.

Параллельно Яна уговаривала крапиву поменять место обитания, а найденный можжевельник — переселиться поближе к забору. Отродясь нархи-ро не нужны изгороди,

сколоченные из мертвого дерева! Да поставь кто-то в Лесу такое извращение — его бы к жрецам отвели! А тут — стоит, хоть и покосился.

Нет уж...

У нее будет естественный забор, из жгучего и колючего. И если кто-то думает, что это не преграда — очень зря. Главное, чтобы растения поняли, что нархи-ро от них нужно.

А они поймут, обязательно поймут.

Одного дня, шести служанок с ведрами и щетками и громадного количества едкого щелока хватило, чтобы отчистить домик до блеска. А на следующий день Яна взяла вещи и переехала окончательно.

И принялась закупаться для праздничного обеда или ужина.

* * *

— Лойрио, к вам лайри Риккэр.

Ланист даже чуть удивился. По его представлениям, нархи-ро стоило бы помариновать еще денька два. Неужели соскучилась?

Ан нет.

Стоящая внизу Яна ничем не напоминала грустную и тоскливую. Скука? Кажется, она и слова-то такого не вспоминала.

— Ланист, я рада тебя видеть!

— Яна, ты словно солнышко озаряешь мой дом своим присутствием!

— Льстец, — нархи-ро улыбнулась.

В теории она знала все эти приемы, но так то — в теории! А на практике, столкнувшись с опытным ловеласом, — многие ли вспомнят про осторожность?

— У меня новоселье, ты приглашен на ужин.

— Новоселье?

— Ну да! Рошер нашел дом, так что я переехала. Завтра вечером жду.

— А куда?

Выслушав объяснения, Ланист даже чуть повеселел. Намного удобнее, когда у женщины своя территория и на ней не водятся непрошеные советчики! А Аэлена Авельен к таким и относилась — с его точки зрения. И кстати — что он такого предложил-то?

Да ничего, просто прогуляться по саду! Может, и не позарился бы, но ведь художница, и известная... Ну и решил добавить бусину в свое ожерелье. А эта грубиянка мало того, что посмотрела как солдат на вошь, так еще и фыркнула. Она, мол, не пьет из источника, в котором каждая вторая девка умыться не брезгует.

Тоже мне, нашлась королева!

Ланист усилием воли задавил не слишком приятные мысли. Бывают ведь идиотки, отказываются от собственного счастья! И улыбнулся Яне:

— Разумеется, я буду.

Стоит ли говорить, что ужин удался на славу?

Приглашенные — Гарт, Рошер, Ланист, Славерус с женой и даже заглянувшие на огонек соседи — были накормлены, напоены и выставлены по домам, хотя Ланист и предлагал остаться. Мало ли...

Но Яна отказалась.

Эта ночь принадлежала только ей.
Первая ночь под крышей ее нового дома.

* * *

Если бы кто увидел — точно пошли бы слухи о чернокнижниках. Но никто не смотрел. А Яна уже за полночь разожгла огонь в камине. Языки пламени танцевали перед глазами нархи-ро, но видела она другое. Видела она Храм и две статуи, выполненные из белого и черного камня. Богов, которые снисходят до глупых своих детей, и все понимающую улыбку женщины.

— Ш’аари, ш’аалесс...

Их имен Яна так и не знает, но лица встают перед ней словно живые, и она понимает — ее слышат. Извлеченный из-за пояса нож легко испарывает кожу, в огонь камина льется кровь девушки. Языки пламени жадно потрескивают, хватая добычу и на долю секунды окрашиваясь в алый цвет.

— Спасибо вам, что пригрели, что помогли... Благодаря вам сейчас живут несколько хороших людей. И я обязана вам своей жизнью, которая, кажется, начинается... налаживаться? Нет, не так. Сейчас моя жизнь становится правильной, настоящей, какой и должна была... Спасибо!

Там, у камина, Яна долго сидит, глядя в огонь, вслушиваясь в звуки, запахи, шорохи своего нового дома, но потом засыпает там же, сворачиваясь клубочком на медвежьей шкуре и подложив под голову локоть. Ааша приходит и вытягивается рядом с бестолковой хозяйкой. Огонь прогорит и погаснет, но вместе они не замерзнут.

И Яне снится тот Храм. Снятся боги. Мужчина и женщина улыбаются, поднимая руки в благословляющем жесте. Откуда-то Яна знает — им это пришлось по душе. То, что она не стала ждать год, то, что искренне благодарна...

А зла от них не будет.

Ни ей, ни другим нархи-ро, ни даже людям. Им просто хочется жить.

Стоит ли говорить, что утром на руке нархи-ро и шрама не осталось? Забытые боги умеют быть благодарными.

* * *

Проблемы и неприятности начались на следующее утро.

— Уберите собаку!!!

Визг был таким истощным и дурным, что Яна только головой помотала. И даже не подумала, что это — про Аашу.

Ну какая же она собака? Во-первых, волк. Во-вторых, Ааша первая никогда не проявляла агрессии. И зачем так орать — непонятно.

Но визг повторился, так что Яне пришлось оторваться от грядки и пройти хотя бы посмотреть. Мало ли...

Ааша действительно не проявляла агрессии. Она просто стояла и улыбалась. И стояла, облокотившись передними лапами на калитку, которая угрожающе потрескивала. А вопил

совершенно незнакомый Яне тип. Среднего роста, худой, подлысоватый, с лицом записного сутяги-склочника и явной болезнью печени. А иначе с чего у него такая кожа желтая? Ансамбль удачно дополнялся полуседыми волосами и длинным носом.

— Уберите... это!!!

— «Это» — что?

Яна убедилась, что странный тип имеет в виду Аашу, но «убирать» волчицу не спешила. Вот еще!

— Вот это! — Тип тыкал пальцем в сторону волчицы. — Что эта тварь делает в моем доме?!

Яна прищурилась. Кажется, она поняла, с кем имеет дело.

— Тенсор Атион?

— Я... да! — На миг мужчина смутился и тут же перешел в наступление: — А вы кто такая?!

— А я — лайри Риккэр. Новая владелица этого дома.

— Что?!

— Славерус Атион подарил мне это жилье. Точнее, свою долю. Вашу я выкуплю. Сколько вы за нее хотите?

Мужчина вдруг успокоился. Да уж, великое волшебное заклинание — деньги!

Стоит только произнести волшебное слово — и умные глупеют, склочные смиряются, а слабые крепчают духом.

— Пригласите меня в дом, лайри, и побеседуем.

Яна подумала.

Одна бы побоялась. Но с Аашей?

Этот тип волчице на один зуб. Если не побрезгует.

Что ж, не стоит развлекать новых соседей зрелищем торга.

— Проходите, сар.

Ааша послушно освободила калитку, и мужчина вступил на территорию с видом короля в изгнании. Ткнул в волчицу пальцем, малым его не лишившись: на пол-локтя поближе, и Ааша отхватила бы ему кисть. Хамства волчица не терпела.

— Это ваша собака?

— Это мое дело, — поставила наглеца на место Яна. — Итак?

— В дом не пригласите?

— Не приглашу. В саду побеседуем. Здесь столик есть, скамеечки...

Гарт расстарался. По его приказу слуги притащили откуда-то кованый столик и к нему — шесть стульев, подарок на новоселье. Яна тут же решила, что вырастит вокруг них беседку. Посадит виноград, пару яблонь для опор — и через пару лет все будет готово.

Тенсор развалился на одном из стульев и, прищурившись, уставился на Яну. Но если он хотел смутить нархи-ро — зря. Бесполезно. Яна была абсолютно спокойна. И молчала, ероша густую шерсть волчицы, пока Тенсор не сдался и не заговорил первым:

— Вы, милая лайри, человек здесь чужой...

Яна поморщилась. Так по-разному это обращение звучало в устах Славеруса и Тенсора, что становилось неприятно. Славерус произносил слова с высоты возраста, с легкой иронией, но в то же время и уважительно. А Тенсор... Как-то у него получалось маслено-издевательски. Яна и сама не могла объяснить, почему так, но было неприятно.

А может, если бы они встретились в другой обстановке или Яна не знала о нем того, что

рассказал Славерус... Отнеслась бы она более доброжелательно к этому человеку? Возможно ли такое?

Яна не знала. Богам виднее. Пока же Тенсор вызывал только неприязнь.

Не дождавшись реакции, Тенсор вздохнул и продолжил. Выходило так, что Яна явилась Четырехликий весть откуда, втерлась в доверие к выжившему из ума старику, лишила Тенсора родового гнезда, а ведь он тут каждую досточку, каждую щепочку все сам прилаживал, своими руками.

А она, бессовестная...

Угрызения совести и верно боялись Ааши, а потому не подступали слишком близко. Тенсор говорил и говорил, укоряя, вздыхая и трагически возводя глаза к небу.

С его слов история выходила совсем иной.

Он был совсем малышом, когда его мать по уши влюбилась. И сказала сыну, что тот временно поживет у бабушки, мол, ее новый муж против ребенка. Но потом она обязательно заберет сына домой.

Уж лучше бы не забирала.

Славерус оказался отвратительным человеком.

Он пил, бил Тенсора и его несчастную мать, ничего не приносил в дом... Стоит ли удивляться, что пасынок не испытывал любви к отчиму? Чтобы не видеть этого кошмара, Тенсор начал убегать из дома, по глупости связался с дурной компанией...

Правда, сейчас взялся за ум. Работает палубным матросом на судне, они ходят вдоль побережья, на жизнь хватает. Но этот дом — он же принадлежал его матери!

— Да разве? — искренне удивилась Яна.

Ааша под рукой нархи-ро пофыркивала, давая понять, что не верит как минимум половине речи. Но Тенсор в волчьих интонациях не разбирался.

— Это, милая лайри, семейное, можно сказать, родовое гнездо.

— Для родового оно слишком молодо, — отрезала Яна. — К чему вы клоните?

— Я готов выкупить у вас этот дом.

Яна фыркнула:

— И за сколько же?

— Я надеюсь, лайри, вы не заломите громадной суммы?

— Не заломлю. Условие, которое поставил мне сар Атион, гласит, что я не могу ни продать, ни подарить этот дом. Особенно вашей семье.

Тенсор скрипнул зубами.

— Но это мой дом! Я тут родился, вырос...

— Да разве? А сар Атион рассказывал иначе.

Тенсор понял, что перегнул палку:

— Ну хорошо. Не я, но мои дети!

— Оба?

Тенсор скрипнул зубами еще раз. Яна даже испугалась — не остался б он без них прямо здесь и сейчас. Зубы, кстати, отвратительные. Желтые, прокуренные и с изрядными дырами. Фу!

— Вижу, отчим уже успел наговорить обо мне небылиц?

— Это не важно. — Яна пожала плечами. — Дом не продается. Что еще?

— Тогда вы можете выкупить у меня мою часть.

— Могу. Сколько?

— Пятьсот золотых!

Яну разобрал дикий хохот, который она даже и не пыталась сдержать.

Пятьсот золотых?!

Это при том, что *весь* домик стоил не больше двухсот?

Ну-ну...

Тенсор побагровел. При болезненно-желтой коже это выглядело просто ужасно.

— Что я такого смешного сказал?

Яна кое-как успокоилась и фыркнула:

— А что — непонятно? Красная цена домику — триста золотых. Делим на пять — получается шестьдесят. Так вот, я готова заплатить пятьдесят монет золотом за вашу долю. А то, что вы зачем-то нолик пририсовали... Смешно!

— Вам смешны мои чувства?

— Нет, ваша глупость. — Яна уже поняла, что разговора не выйдет, и решила не церемониться. — Вы являетесь сюда, заламываете дикие цены, что-то смеее требовать... Так вот. Пятьдесят золотых — мое последнее слово. Идите поговорите с семьей. В противном случае мы решим этот вопрос в официальном порядке, через канцелярию градоправителя.

— Думаете, он пойдет вам навстречу и лишит детей крова?

— Детей не лишил бы. Но Славерус сказал, что вашим детям уже не требуется родительская помощь. Они вполне взрослые.

— Родители обязаны помогать детям!

Яна была на этот счет иного мнения. В Лесу говорили, что ребенок должен получить от родителей корни и крылья, а всего остального достигать сам. Впрочем, чего можно достигнуть в Лесу?

— Это ваше право. При чем тут я?

Оказалось, Валайра-младшая недавно вышла замуж и родила сына. И ребенку требовалось ну очень много всего.

При чем тут Яна?

При том, что этот домик идеален для молодой семьи. Вот и продала б его, да убралась куда подальше. Или выплатила за пятую часть дома такую сумму, чтобы Тенсор смог купить дочке дом в хорошем районе. Она ж лайри, да к тому же и нархи-ро! Понятное дело, что с нее надо драть по максимуму! И пусть только попробует не раскошелиться!

Яна только головой покачала:

— Не пойдет.

— Но...

Тенсор было завелся, но взгляд зеленых волчьих глаз мигом поубавил ему храбрости.

— Подумайте дома, в кругу семьи, и приходите. Предложите что-то приемлемое — обсудим. Но я цену выше пятидесяти золотых не подниму, говорю сразу.

Тенсор приподнялся, оперся руками на стол, набычился.

— Ах ты ж...

— Ааша, проводи.

Выслушивать подробности о своей родословной Яна не стала. Вот еще! Всяк дурак тут браниться будет!

На запястье Тенсора вежливо сомкнулись здоровущие клыки. Он взвизгнул вовсе уж по-бабьи, дернулся, но Ааша добычу не выпустила. Честь честью проводила до калитки и даже

рыкнула вслед. Мол, не забываете, мимо походите!

Тензор продолжил бы браниться и за калиткой, но Ааша очень многозначительно облизывалась и даже почти улыбалась. А жить хотелось... Так что он развернулся и отправился восвояси. Даже спина его выражала оскорбленное достоинство.

Яна вздохнула. Подумала. И направилась в сад.

Думаете, так просто границы Леса оставались неприступными десятки и сотни лет?

Э нет. Были, были у нархи-ро свои хитрости. И Яна, как книжная девочка, отлично о них знала. Вот применять раньше не доводилось, но лиха беда начало?

* * *

Зачем Рошера занесло в управу — он и сам не знал. По Эмине соскучился? Скорее, по тому ощущению нужности, которое было раньше. А сейчас... Ну а что бы не посплетничать? Вдруг что и промелькнет?

Эмина была рада приятелю.

— Рошер! А у меня пирожки с малиной! И ягодный взвар есть!

— А я тут сахарных фигурок принес к взвару. — Рошер широко улыбнулся. — Как дела?

— Ох, не спрашивай. — Эмина поднесла пальцы к вискам жестом профессиональной сплетницы. — Это ужасно!

— Где ужасно? Что ужасно? — Рошер широко улыбался.

— Синта опять пропала!

— Ох, Раш...

Рошер только головой покачал.

Ну да, Синта, дочь лойрио Эрена, была притчей во языцех, иначе и не скажешь. Рано загуляла, подседа на вино, потом на смолку...

Почему ничего не мог сделать лойрио?

Ну, нельзя сказать, что не пытался.

Что делают родители в такой ситуации? Не дай Четырехликий кому-нибудь это узнать на своем опыте. Сначала просто не верят. Потому что это же *их ребенок*! Ну кто поверит в такое про свое родное и любимое чадушко?

Да никто!

Потом начинают осознавать, потом... Когда увидят деточку в состоянии нестояния. Но часто уже слишком поздно, непоправимо поздно. И то ребенку нередко находят оправдания.

Тяжелая учеба, трагедия в личной жизни, переутомление... Чем только не пытаются оправдать такие вещи? И зря. Потому что от оправдания трагедия не отменится. Такое надо пресекать быстро и решительно, но — как?!

Если ребенку пятнадцать лет и женилка у него уже отросла, а мозг — нет? Зато гонора и спеси на троих хватит! Ведь родители — они ничего не понимают и только мешают чадушку вести правильный образ жизни и получать удовольствие! И когда ребенку что-то запрещают, он начинает сопротивляться. И разрушает себя, свою жизнь, жизнь своих родителей...

Лойрио Эрен не оказался исключением из печального правила. Сначала он долго не мог поверить, что Синта, любимая доченька... Потом принялся запрещать. Бесполезно. Лечить — с тем же результатом. Маги были бессильны, бессильны были и травники, ибо смолка

вызывает привыкание чуть ли не с первого раза, а муки лишенных ее страшны. И не снимаются травами.

А сглаживать последствия магией? Чтобы Синта опять накурилась? И смысл?

Имелись и жесткие варианты. Но запретить девушку в Храме на этой стадии привыкания означало просто убить. Да и...

С хитростью, достойной лучшего применения, Синта удирала из-под замка, находила тех, кто мог снабдить ее зельем, делала заначки... Лойрио боролся с продавцами смолки, аки лев, но... Далинар — портовый город! Сегодня одного выловишь — завтра десять на кораблях приплывут. Все пути не перекроешь, просто торговать стали с опаской и оглядкой. А Синта по-прежнему губила себя.

— Интересно, не знают ли таких рецептов нархи-ро? — задумался Рошер.

— А и верно, стоит спросить. Если что — лойрио Эрен ее просто озолотит, — подхватила Эмина.

— Обязательно поговорю с Яной.

— Поговори. Глядишь, к моменту, когда Синта найдется, Тайяна чего и придумает?

Девушка пропадала уже четвертый день. Стража стояла на ушах, трясла притоны, но бесполезно. Синта как сквозь землю провалилась. Лойрио Эрен ходил чернее ночи, срываясь на всех и каждого, жена присылала слуг с записочками чуть ли не раз в пятнадцать минут, а старшие сыновья лойрио принимали участие в поисках.

Безрезультатно.

— Да уж, не позавидуешь лойрио...

Впоследствии Рошер часто думал, что судьба любит пошутить, потому что ничем иным не смог объяснить появление в этот миг бумажно-белого стражника.

Эмина ахнула, вскочила и захлопотала вокруг бедолаги. Чуть ли не силком усадила, сунула в руку кружку, тот выхлебал огненный взвар что воду, чудом не сварив себе язык, и выпалил:

— Лайри Синту нашли!

— Где?!

— За городом. Мертвую!

Эмина медленно опустилась на стул. Рошер прикусил от неожиданности язык вместе с пирожком и зашипел от боли.

— А градоправитель?

— Он уже знает. Наверное...

— Где за городом? — уточнил Рошер.

— В овраге. Где старые сараи...

Пояснений не требовалось. Знал Рошер это место. Овраг был всего один. Когда-то Далинар расстраивался в том направлении. Потом появились ручейки, стало ясно, что каверна будет расти, — и люди забросили то место. Зачем его осваивать и бороться с трудностями, если есть где построиться ровно и гладко? Остались старые дома, ну и несколько сараев. Впрочем, там давно никто не жил, разве что изредка бродяги заходили...

— А кто нашел тело?

— Да там двое...

После коротких расспросов выяснилось, что лойрио Ланист Каррер (да-да, тот самый!) решил покататься верхом на утренней зорьке. Зорьку, правда, проспал, но прогулку не отменил. Вот и наткнулся.

Второй же оказался самым обычным приказчиком в лавке. Что он там делал?

Ну... выпил с вечера. Выпил — и хорошо так выпил. А вот как оказался... Хорошо хоть — там. Решил, что жена домой пьяным не пустит, еще и скандал устроит, а в заброшенных сараях можно и переночевать.

Переночевал. Вышел из сарая, кое-как волосы пригладил, домой пошел, а тут тело. И лойрио Каррер! Вот ужас-то! Лойрио Эрен туда помчался, а что, как... Да откуда ж простому стражнику такое знать?

Рошер задумался.

— Сходить, что ли, поглядеть, что и как?

Эмина закивала. Она бы и сама, но место не оставишь, так можно и с работы вылететь.

— Сходи, Рош, сходи! Потом мне расскажешь?

— Схожу.

— Да выгонит тебя лойрио, — фыркнул стражник.

— А я не к нему, я к лойрио Карреру.

После вечера у Яны мужчины не то чтобы сдружились, но в отличие от Гарта Рошер считал, что Ланист полезен нархи-ро. Это ведь тоже опыт отношений с людьми! Пусть не идеальный, но какой есть! Да и не созрела девочка для любви, это ж сразу видно! А вот погулять, за ручки подержаться, сено помять — в Лесу ж нравы свободнее, это можно. А и стоит иногда...

Рошер отмел в сторону ненужные мысли.

— Схожу посмотрю, что у него и как. Погонят — так тому и быть. Рассказывай — как туда точно добраться? Овраг немаленький, да и сараи там в двух местах?

И стражник послушно принялся объяснять, как дойти до места, где сегодня обнаружили тело. И — да, его еще не увезли. Пока мага вызовут, проверить на наличие сглаза или порчи, пока то-се, он ведь сразу сюда, а его напарник — к начальнику стражи, потом тот к градоправителю...

Рошеру того и надо было.

Поцеловал руку Эмине, схватил со стула плащ — и был таков.

* * *

Дойти недолго, а вот подумать по дороге...

А что его-то туда несет? Его это касается? Он стражник? Он вообще — кто? Поймав себя на этой мысли, Рошер даже с шага сбился. А ведь и верно — кто? Что? Зачем?!

Но назад не повернул.

Он и сам не смог бы внятно ответить на эти вопросы, разве что Тайяна бы помогла. Ей-то все было понятно. Рошер Вайст был рожден ищейкой. Охотничьей собакой, если хотите. Только в качестве дичи обречены выступать воры, убийцы и подонки. Стража для него была самым главным, он вкладывал всю душу в свою работу.

Лишившись руки и с ней — смысла жизни (на что годна гончая без лапы?), Вайст потерял себя и принялся спиваться. Так собака лежит у конуры, отказываясь от воды и пищи и мечтая скорее сдохнуть, чтобы вновь прийти в мир молодым и здоровым щенком.

Рошеру сдохнуть не дали. Вытащили, привели в чувство, помогли — и сатро Вайст опять встал на след. И это оказалось еще интереснее.

Ну что он видел в страже? Мелкие кражи, поджоги, семейные склоки, пьяные драки? И где тут развернуться таланту? Где тут искать, собирать доказательства, размышлять, вычислять?

В истории с Аэленой он получил сполна все эти возможности — и затянуло. Хуже вина, хуже смолки, хуже чего угодно. Так, видимо, чувствуют себя разломщики, не в силах отказаться от своего опасного промысла.

И что ему нужно теперь?

Да то же самое.

Потому и встрепенулся Рошер на слове «убийство», потому и полетел, понимая, что делать там нечего, что выставят не глядя, что...

А остановиться все равно не мог.

А вдруг?..

Его и не выставили, полагая, что если идет — то знает зачем. Рошер спокойно прошел через цепочку стражи к оврагу.

Там было хорошо, спокойно, уютно, зеленая трава вымахала до пояса, в такой приятно повалиться днем, задумчиво глядя на небо и пожевывая былинку. Или спрятаться с любовником.

Но здесь и сейчас речь шла не о любви.

Мирно гудели пчелы, качались какие-то цветочки — и от этого контраста становилось еще страшнее. И по спине бежал морозец.

Смерти нет? Философы могут говорить что угодно, но в этом овраге ее присутствие ощущалось особенно отчетливо.

* * *

Она лежала в траве, скрытая от посторонних глаз, а рядом стоял на коленях градоправитель. В кои-то веки лойрио Эрону не было дела до того, как он выглядит в глазах посторонних.

— Девочка моя... девочка... доченька...

И ни у кого не поворачивался язык сказать хоть слово. Ни про девочку, которая таковой уже лет десять не была, ни про ее несчастного отца. Здесь и сейчас было видно, как градоправитель стар и устал. И как он любил свою дочь, как надеялся на лучшее, как сейчас умирает рядом с ней на мокрой траве часть его души.

Рошер оглядел все это злым взглядом.

Ну конечно, сар Шойс тупит... Простите, не смеет лезть к высокородным без команды. Стражники тоже не рискуют, ибо велик шанс получить та-аких дюлей от начальства... А больше никого и нет.

Лойрио Каррер стоит неподалеку со сложным выражением лица — вроде и жалость, но и брезгливость. Второй, кто он там... приказчик? Да, кажется, приказчик... Третий рядом со стражниками.

А Эрена надо срочно приводить в чувство, иначе и рехнуться может. Видел Рошер такие случаи. Женщинам — что, им проще. Покричала, горлом боль выпустила, слезами отплакала — и чуть сняло с души. А вот мужчины... Сейчас в нем, поди, такое кипит, что дотронуться страшно.

А придется. Ой как придется.

Рошер оглядел стражников.

Варн, Маки... О! Пойдет! И решительно направился к старым друзьям.

— Мак, самогонка есть?

— Ты ж знаешь...

— Знаю, потому и спрашиваю. Ты эту туфту про неупотребление на службе Шойсу вешай, а мне — флягу дай?

— Зачем?

— А ты сам не видишь?

Кивок на градоправителя был достаточно убедительным. Маки задумался, потом решительно вытащил из-за голенища небольшую фляжку.

— *Очень* крепкое.

— Тем лучше.

Рошер решительно подошел к лойрио Эрену, кое-как свинтил пробку зубами и сунул флягу под нос безутешного отца.

— Вышей.

Сказано было таким тоном, что градоправитель даже и не поглядел — *кто*. Он просто повиновался. И хлопбыстнул, как воду...

— Ох-х-х... Раш.

Судя по запаху, который почувствовал Рошер, во фляге плескались чистейшие виноградные выморозки — крепкие и злые. Так что Эрен получил сильный ожог избалованной тонкими винами гортани и резкий удар по мозгу.

— Полегчало?

Лойрио посмотрел на Рошера:

— Ты?

— Я, лойрио. Негоже ей тут, вы же понимаете...

— Д-да...

Вино явно работало, притупляло боль, заставляло расслабиться сведенные судорогой мышцы.

— Ну-ка, поднимайтесь.

Единственная оставшаяся у Рошера рука была крепкой и сильной. Лойрио Эрен медленно поднялся сначала на одно колено, потом выпрямился во весь рост.

— Спасибо...

— За такое не благодарят. Вы бы приказали ее домой унести, лойрио? Чтобы стража делом занялась.

— Домой, да... домой... Шойс!

Сар Карен приблизился и получил короткий приказ.

Тело взять, уложить на носилки, со всем почтением доставить в дом градоправителя. Самим заниматься делом. Допрашивать, узнавать, найти убийцу! Лучше — уже сейчас!

Приказчик, чьего имени Рошер так и не знал, задрожал одуванчиком. Видать, понимал, что является самым удобным козлом отпущения. Но...

— И абы кого не хватать, пыткой признаний не выбивать. Мне правда нужна, а не десяток найденных идиотов!

Рошер поглядел на лойрио с уважением. А ведь мало кто такое скажет. Но...

— Сатро Вайст, уделите пару минут?

— К вашим услугам, лойрио.

Лойрио Эрен с усилием отвернулся от тела дочери. Лицо на миг исказилось в гримасе горя, в глазах блеснули слезы, но потом губы жестко сжались, глаза высохли и зло сощурились.

— Вы нашли того, кто покушался на лару Аэлену. Можете ли сделать то же самое для меня?

— Э...

Вот уж чего Рошер точно не ожидал. Он тогда вообще пьянствовал вгорькую, живя от бутылки до бутылки. Если бы старая подруга не позвала на помощь, так и пил бы. А сейчас нашел в жизни цель, удовольствие... Ну без руки! Зато с мозгами!

Или ожидал? Только и сам себе не признавался?

Может быть и такое.

— Хотите, чтобы я нашел убийцу?

— Да.

— Сар Шойс спра...

Лойрио Эрен расхохотался. Горько и невесело.

— Вайст, ты работал под его началом. И ты в это веришь?

Не верил. Вот ни капельки.

Хватать, давить, пытаться — это по Шойсу. А вот искать, сопоставлять, размышлять — не дано. Рожденный ползать взлететь не сможет, разве что спихнуть его откуда повыше? Тогда — да, но ненадолго.

— Одним словом — ищи. Найдешь — озолочу.

Рошер задумался. А потом тряхнул головой:

— Мне помогала Тайяна. Можно?..

— Можно, конечно. Но чтобы лишнего никто из вас не болтал.

Лойрио Эрен мог и не предупреждать. И так понятно.

— И мне может понадобится расспросить ваших домашних или слуг. Разрешите?

На миг взгляд лойрио полыхнул и тут же угас. А что — есть выбор?

— Разрешаю. Сам жене скажу. Ох-х-х... как же я ей скажу...

И опять перед Рошером был отец. Страдающий, мучающийся.

— Вы же знали, что она употребляет смолку! — вырвалось у него. — Почему нельзя было запереть?! Отослать куда-нибудь?!

— Думаешь, самый умный? — окрысился лойрио. Но от горя отвлекся. — Куда я ее должен был отослать? К родственникам? Так Синта мозгами в меня пошла, она бы любого вокруг пальца обвела и сбежала. Здесь она хоть как-то под присмотром, а там над ней вообще никого не было бы.

— Монастырь?

Лойрио Эрен только хрипло рассмеялся:

— И к кому она попала бы? Ты что, Вайст, считаешь, что там Четырехликому молятся да коленки протирают?

Вообще Рошер так и считал, особенно насчет женских монастырей. Но...

— А нет?

— Нет, конечно. Вот смотри... Кому подчиняются монастыри — знаешь?

Рошер и не задумывался.

— Хоши, разумеется. Считается, что женский монастырь по рангу ниже мужского, а

потому акрохоши заправляют там, как в своей вотчине. Тархоши — тоже из тех, что рангом пониже. В монастырях, чтоб ты знал, воспитываются девчонки, отсиживаются неверные жены, ну и в таких ситуациях, как моя... Как ты думаешь — это не стало бы объектом для шантажа?

Рошер подумал.

— Далинар — не настолько значимый город.

— Верно. Но он — порт. Тут много возможностей, много людей, самых разных людей, а у меня есть право подписывать разрешения. На стоянку, на торговлю, заметить или нет какой-то корабль, груз, человека... Ты понимаешь?

Рошер понимал.

— И...

— Если ты не сделаешь то, что нам хочется, твоя дочь еще сильнее подсядет на смолку. Или вообще окажется беременна. Или... думаешь, мало возможностей в этих гадючниках?

Рошер думал, что много.

А еще...

— Монастырь не подходит. Родственники...

— Таких, чтобы можно было и довериться, и чтобы справились с девчонкой, у меня просто нет. А остальные... Здесь я ее хоть как-то сдерживаю... Сдерживал.

Губы лойрио опять дрогнули, и Рошер поспешно заговорил, стараясь отвлечь того от тяжелых мыслей:

— А жена...

— Рамира? Синта ее в медяк не ставила. Считала, что мать — просто домашняя клушка, которая ничего не понимает, прогадила свою жизнь... Ты не знаешь, что в таких случаях мелкие говорят родителям?

— Да уж догадываюсь. Но считается, что тут ремень помогает. Широкий, кожаный, с бляшками.

— Раньше надо было, но у нас так получилось. Синта родилась крепкой, а вот мальчишка у меня оказался слабеньким, часто болел, ну и все внимание уделялось ему, а девочка чувствовала себя заброшенной. И это переросло в дальнейшее...

Рошер подумал, что звучит откровенно неубедительно. Мало ли в бедных семьях девочек, которые и обед сготовят, и за малыши приглядят, и еще много чего — и ведь вырастают в отличных хозяек! Умниц и красавиц! И некогда им страдать, жалеть себя-других... Знай поворачивайся. А вот когда семья богата да чадушко с жиру бесится, птичьего молочка на серебряной тарелочке требует...

Вслух он этого, конечно, не сказал. Лойрио Эрену становится легче, когда он говорит? Вот и спросим. Но — другое:

— А парень... Может, замуж ее бы стоило?

— Я искал. Но тут же надо либо такого, чтобы ее в кулаке держал и ни шагу влево-вправо, либо того, кто будет мне подчиняться. Тогда я бы Синту с поводка не спускал... Понимаешь?

— Первый вариант лучше, но такого еще найди? Да и не факт, что он бы жену учить не начал...

— Второй тоже неплох, но на меня все время такое дерьмо выносило!

Да, еще бы! Небось все альфонсы города сбегались. Уж больно кусочек лаком.

— А так? Есть у нее кто-то? Парень? Подруги? Далинар ведь не пустынный остров, кто-

то да должен быть?

Лойрио Эрен задумался. Надолго. А потом медленно покачал головой.

— А я ведь и не скажу. Может, кто-то и есть, но я не знаю.

Вот так вот.

И любит он дочь... любил... И все для нее делал, а что у нее на душе? Чем она жила?

— А о чем она мечтала? Петь любила?

— Петь?..

— Или шить, рисовать... Ну, чем-то увлекалась?

И понял, что ответа не будет. Лойрио Эрен смотрел растеряннo, осознавая, как много он не знает о своей же дочери. Так вот...

— Вы мне позволите поговорить с женой? С сыном?

— Сегодня вряд ли. Завтра приходи.

— С Тайяной?

— Лайри Риккэр? Да, и с ней тоже.

Так, за разговорами, они и не заметили, как добрались до экипажа, в который и погрузился лойрио. Рошер ему компанию составлять не торопился.

Ему надо было к Тайяне. Но...

— Что сказал лойрио?

Каррер. Лицо обеспокоенное, глаза какие-то... Вроде и не бегают, но и прямым взгляд не назовешь? Хм-м?

А ведь такое может быть, только если...

— Лойрио попросил навести справки о любовниках Синты. Наверняка кто-то из них ее и убил.

Ну, если это не в точку, что тогда в нее?

Ланист просто стек с лица, иначе и не скажешь. Дернулся, поежился...

— Да у нее половина города в постели перебивалась! Если б каждый хоть по разу ножом ткнул — мокрое место на траве осталось бы.

— А ты откуда знаешь про нож?

— Видно же! Что я — слепой?

Рошер представил себе картинку. Да, красное пятно на голубом платье девушки выделялось издали. Но — нож?

Да мало ли чем ее могли?..

Этим и надо заняться. Но сначала...

— Ланист, — благо после новоселья они с лойрио спокойно тыкали друг другу, так что доверительный тон удался идеально, — если ты с ней здесь встречался — в этом нет ничего плохого. Обещаю, я никому не скажу.

Тем более что признания в убийстве от тебя не дождешься, но это я и сам докажу. Если ты убил. А если нет — тем более надо все прояснить, чтобы не тратить время.

Ланист помялся и вздохнул:

— Ну... было пару раз.

— А если честно?

Глаза Ланиста забегали, но слово за слово — Рошер вытащил из него простую историю. Лойрио Эрен искал жениха для дочери, а Ланист... ну, было у них. Бывало. Еще со времен сопливой юности.

— Ты бы видел, какая она была. Красивая, яркая, невероятно обаятельная, когда сама

пожелает. Словно фейерверк! Любого могла увлечь, просто пальцами щелкнула бы — и готово! — Ланист смотрел словно бы вдаль, вспоминая что-то приятное. — Она тогда была совсем молоденькая, но уже отлично знала, чего хочет...

— Развлечений? Мужчин? Денег?

— Свободы. Больше всего на свете она мечтала о свободе. Чтобы никто не мешал, не приставал, не диктовал свою волю... Эрен подавлял ее, а матери вообще дела не было, она занималась лишь сыночком. И Синта бунтовала как могла.

— С твоей помощью?

— Я мог лишь дать денег или приютить на пару дней, если она сама того хотела. Но она приходила редко.

— А ты всегда давал ей, что попросит?

— Ей нельзя было отказать. Ты ее просто не знал.

Нет, не знал. Как-то не сложилось у Рошера с дочерью лойрио Эрена. Вот вытаскивать ее из притона один раз довелось, но тогда, пьяная и накутившаяся смолки, она могла вызвать лишь отвращение. Она дико хохотала, пыталась стянуть штаны со стражника и осыпала всех площадной бранью. А так, чтобы просто поговорить...

Где был он и где юная лайри? Да о чем им вообще разговаривать? А потом он запил, потом... Да много всего этого «потом»!

— У нее кто-то был? Она кого-то любила?

Ланист пожал плечами:

— Я не знал. Если кто-то и был, она скрывала.

— Подруги?

— Она дружила, если дружба между женщинами вообще бывает, с лайри Эшер.

— Старшей, младшей? — Большую часть благородных семей Далинара Рошер знал еще со времен работы в страже.

— Кажется, старшей. Не уверен.

— Когда ты ее последний раз видел?

— Вчера.

— Вот как?

— Она пришла, мы выпили, потом...

Рошер ехидно прищурился. Ланист смутился.

— То, о чем я думаю?

— Мы взрослые люди, что в этом такого?

— А Яна?

— Я к ней очень хорошо отношусь, — не стал лгать Ланист. — Но Синта — это другое. Это...

— Кто-то для души, кто-то для плоти?

— Примерно так.

Рошер не стал уточнять, кто и для чего в понимании Каррера, но подумал, что Яне все расскажет. Пусть не увлекается этим гадом.

— Во сколько она ушла?

— Поздно вечером. Уже стемнело...

— Одна?

— Да. Взяла у меня денег и отправилась развлекаться.

— Ты поэтому так нервничал?

— Если бы Эрен узнал, что я и его «нежная доченька»... Что бы он со мной сделал?

— Ноги вырвал? — предположил Рошер.

— В лучшем случае. А если бы женил? Он мог, власти хватило бы...

— Она же тебе нравилась? — не понял Рошер.

— И что? Теперь жениться на всех, кто мне нравится?

Рошер подумал, что столько баб даже в Равхе держать было бы сложно. А там они к гаремам привыкли, опыт есть. Здесь же...

Или между собой передерутся — или супруга на ленточки порвут.

— Она не говорила куда, к кому, зачем?

— Хотела покурить смолки и развеесться.

Это уже что-то. С этим можно работать.

Рошер дружески распрощался с лойрио и направился к сару Шойсу.

— День добрый.

— И тебе добра. — Сар Шойс относился к бывшему подчиненному вполне миролюбиво. — О чем ты там с лойрио беседовал?

— Да он попросил, чтобы Тайяна осмотрела тело Синты.

— Зачем? — Сар Шойс нахмурился. Не то чтобы он был против, но вторжение в его дела?! К чему бы это?

— Так нархи-ро, они ж по травам лучшие. Мало ли — вдруг Синта что приняла... Ну, такое, что позволит узнать, где она бывала. Или с кем... Отец же, вот и хватается за соломинку, — на ходу придумал Рошер.

Лицо Шойса чуть смягчилось:

— Это да, это можно. Пусть приходит и смотрит.

— А мне можно посмотреть? Что тут, как... Пока толпа не набежала?

— Тоскуешь по прежним временам, а?

Рошер улыбнулся чуть стеснительно:

— Есть немного. Просто куда мне обратно? С этим-то?

Выразительный жест культией развеял остатки неприязни сара Шойса. Он хлопнул Рошера по плечу.

— Хорошо, что сам понимаешь. Но ты держись...

Зубами. За воздух.

— Тяжело, конечно. Но с голоду не помру, пенсия есть.

— Да, другим так не везло. Ладно, если хочешь — походи, посмотри. И приводи свою нархи-ро, если уж лойрио так просил. Пусть ему спокойнее будет.

— Спасибо, сар Шойс! Громадное!

Рошер рассыпался в благодарностях, про себя язвительно фыркая и шипя не хуже гадюки. Тоже мне! Умник! Ну да не за то Шойса держат, что он думать умеет.

Так что Рошер прошелся по траве, осмотрел лужайку. Что он хочет тут найти? Он и сам не знал. Но трава вроде как не примята, следов борьбы нет...

В сарае? Который ближе? Там тоже ничего такого. Разве что один угол кто-то... Ну, если и не вымел как следует, то явно постарался навести порядок. Правда, крови здесь не было. Так, немного... Там, где лежало тело. Чуть-чуть. Или нож в ране оставили, или внутреннее кровоизлияние? Надо потом поглядеть.

Итак! Крови мало, следов борьбы нет, тело надо еще осмотреть, но... Здесь ли убили Синту или просто притащили и бросили?

Возможны оба варианта.

Побеседовать, что ли, со вторым свидетелем? С приказчиком этим?

Наверное, стоит, по горячим-то следам.

* * *

Приказчик оказался симпатичным парнем лет тридцати. Светловолосый, с голубыми глазами, крупными руками и ногами, с уже вполне заметным животиком, он производил впечатление такого плюшевого мишки. Уютный, надежный, спокойный... Женщины должны млеть и покупать без скидок.

Правда, сейчас мишка имел достаточно пыльный, грязный и потрепанный вид. На одежде пятна, в волосах солома, на лице — щетина, но все равно видно, что человек за собой следит. Дать ему часок-другой, лохань с горячей водой, побольше душистого мыла — и опять заблещет очарованием.

— День добрый, сар.

— И вам... э...

— Сатро Вайст. Мое имя — Рошер Вайст. А вас как зовут?

— Ивар. Ивар Решви, к вашим услугам, сатро.

Рошер чуть поклонился.

— В свою очередь, и я рад буду помочь вам. Вы ведь оказались здесь совершенно случайно, верно?

Голубые глаза просияли:

— Вы абсолютно правы, сатро!

— Не можете рассказать, как это случилось? Лойрио Эрен настроен очень решительно, но ему хочется найти настоящих убийц, а не абы кого, вы же понимаете...

Судя по восторгу в голубых глазах, инициатива лойрио полностью поддерживалась. Чувствует себя невиновным? Да, похоже. Знает, что не убивал, но боится, что на него сейчас все грехи повесят.

— Ну как... Я проснулся, захотел отлить, а тут...

— Вы ее сразу узнали?

— Да откуда ж! Лайри, благородная, она к нам в лавку и не заходила!

— И что? А в городе вы ее видеть не могли?

Торговец чуть замялся:

— Да мог, конечно. Но где я, а где лайри? Смотри не смотри... Вот лучше и не смотреть, чтобы не расстраиваться. Да и жена у меня хорошая, ребенок вот недавно родился...

— А вы попиваете...

— Да нет же! Не так было!

— А как? — тоном змея-искусителя спросил Рошер. И получил не особо связный, но зато подробный и длинный рассказ.

Вы знаете, как это — когда у ребенка режутся зубки? Нет? Ох, поверьте, если у вас нет денег на мага или лекаря, придется очень сложно. Потому что родимое чадушко орет непрерывно.

Даже не так.

ОРЕТ БЕСПЕРЕРЫВНО!

Молчит оно, только если ест. А во сне, кажется, тоже орет. Сколько это можно выносить? Да в зависимости от личной доблести. Выспаться не удастся, отдохнуть невозможно, вся жизнь дома крутится вокруг этого комочка, который по какой-то прихоти стал центром вселенной — и поди не стань, с такими-то воплями! Ей-ей, лучше уж кошачьи песни по весне, там хоть поленом швырнуть можно!

Здесь же... Терпи и терпи.

Жена сходит с ума и медленно звереет, ты не высыпaeшьсeя и звереешь быстро, а ведь надо еще работать! Никто ни жену, ни ребенка содержать не будет, кроме тебя. И на работе хозяину все равно, кто там у тебя орет и сколько минут за ночь ты спал.

Так что...

Ивар понимал, что неправ, когда напивался в хлам. Но идти домой сил не было. Вот и... Нажрался, снял какую-то девку, которую даже и не помнил... Кажется, они куда-то шли, что-то пели... А потом обнаружил себя в сарае. С трещащей по причине похмелья головой, но зато — выспавшимся! Между прочим — впервые за десять дней.

Спать не хотелось, хотелось поговорить с природой — и он зашел за сарай. Вышел, потянулся, обратил внимание на пятно в траве — и тут все завертелось.

— А лойрио?

— На коне? А он неподалеку был, точно. Я как увидел тело — орать начал, он сразу же рядом и оказался. Я и не понял, откуда он появился.

Логично. Если услышал — то был рядом.

С другой стороны... А что он тут делал? Вообще умные люди здесь не катаются, потому как трава, земля неровная, а если конь копытом в кротовую нору попадет — его только на колбасу пустить и останется. Да и других мест полно, и других дорог...

В общем, убить девчонку могли оба.

И Ланист, а потом изобразить, что прискакал на выручку, и Ивар, а потом изобразить шок. С другой стороны...

— А вы лойрио видели? Слышали?

— Да, кажется, копыта стучали. Во-он в той стороне. Я еще подумал — какие дураки-то здесь кататься вздумали?

— Дураки?

— Ну... э...

— Да не о том я, — отмахнулся Рошер. — Почему — дураки? Почему — множественное число? Каррер же один?

Ивар хлопнул глазами.

— А мне показалось, что лошадей больше.

— Почему? Топот? Ржание? Почему вы так подумали?

Рошер вцепился клещом, но вытрясти из Ивара больше не представлялось возможным.

Может, и правда топоту было больше, чем от одной лошади, а может, и ржали или разговаривали — он точно не запомнил. С похмелья-то! Это сейчас ему пару глотков вина дали, он и ожил! А был-то вообще никакой! Вот показалось так — и убивайте, не поймет почему!

Рошер задумался.

Показалось — это лишь слова. А если правда — обманка?

— А туман с утра был?

— Был. Молочный такой...

Может, и это роль сыграло. Там же звуки переиначиваются: что тонет, что усиливается...

— А когда вы ее нашли, был туман?

— Да нет. Почти рассеялся, иначе как бы я ее заметил?

Логично. Но как тогда увязать?

С кем Ланист был на прогулке? И почему об этом молчит?

Вариантов масса. От чужой жены — до... Да до чего угодно! Предполагать можно многое, а вот...

— Лойрио Каррер сразу-сразу оказался рядом? Как вы закричали? Или минут пять-десять прошло?

Ивар задумался.

— Вот не знаю... Вы меня поймите, я в таком шоке был!

Рошер прищурился:

— А ночью вы с кем-нибудь — того?

Ивар побледнел сильнее, но кивнул:

— Мне кажется, да.

— А это не могла быть?..

— Не знаю! — чуть ли не стоном вырвалось у приказчика. — Ей-Раш, не знаю! Да чтоб моей душе из паутины выхода не найти — не хотел я жене изменять! Но вино... Кабатчик, сука, туда или выморозков влил, или подмешал чего... По мозгам что кувалдой ударило! Половину вечера не помню!

— А пили-то где, сар?

— В «Ражем мишке».

Знал Рошер этот кабак. Ну... не из лучших, но и не худший. Так, средненький. И... да, подлить всякую гадость в вино там могли. Но не просто так, ой не просто. Если кто-то из своих закажет «кабанчика».

Но кому нужен этот Ивар с его простодушным лицом и голубыми глазами?

— А вы богаты, сар?

— Да что вы, сатро! Работал бы я приказчиком в лавке!

— А чем торгуете?

— Тканями, сатро. Устаю иногда, ноги побаливают, плечи — поворочай-ка эти скатки, а денег мало. Было б больше — я б жене помощницу нанял, она бы так не уставала.

— Наследства не получали? Не должны получить? — Рошер невольно вспомнил дело Аэлены.

Ивар замотал головой:

— Да мне и неоткуда. Все здесь, в Далинаре, но у меня семья не слишком богатая. С земли кормимся. Я первый, кто выучился.

— А у жены?

— И у жены тоже. Отец — портной, сама шьет помаленьку, мать вышивкой промышляет... Да нет. Нет у нас богатых родственников.

— А знакомых?

— Нет, сатро. А почему вы спрашиваете?

— Уж больно странно, что вас в том кабаке опоили. Хотели б ограбить, так мы бы сейчас не беседовали. Ничего у вас не пропало?

— Так у меня ничего ценного и не было. Кошелек... — Ивар похлопал себя по карманам и с искренним удивлением вытащил из одного вышитый мешочек, — цел...

— И деньги в нем есть?

Пара серебрушек так и осталась на дне, заставляя подумать о странностях жизни. Вот зачем опаивать добра молодца, если его потом не ошпыивать? Просто так?

Ничего не понятно.

* * *

Рошер еще попробовал расспросить о девице, но приказчик в ответ только руками развел. Голубое пятно вроде как...

Или нет?

Не помню, убивай — не помню!

И не притворялся ведь! Похмелье Рошер мог распознать за перестрел, как большой специалист. Сейчас-то Решви полегче стало, а тогда он и парня с девкой бы перепутал. С похмелья и не такое бывает.

Рошер положил себе расспросить хозяина трактирчика и направился к Тайяне, понимая, что тут больше ничего не получишь.

Каррер?

Если сразу не сказал, с кем встречался, то и не скажет. Но вот ведь загадка — почему Синта ушла от него в тот раз? Вроде как любовниками были... Ох, это ведь надо сказать Яне! Расстроится девчонка.

В этом Рошер был почему-то абсолютно уверен. Яне станет неприятно, что человек, ухаживающий за ней, пусть и не с самыми благородными целями, позволяет себе интрижки с другими. Хоть подождал бы какое-то время!

С-скотина!

Нархи-ро Рошер нашел в саду ее нового дома. Яна с удовольствием пропалывала сорняки. Рядом, на куче уже выдернутых, валялась Ааша, изрядно перемазавшись в зелени.

— Новая порода зеленых волков?

— Привет, Рош! Заходи! — Яна отбросила с лица длинную прядь и улыбнулась: — Ты по делу или потрепаться?

— Конечно, по делу.

— И по какому?

— Тут у нас убийство, требуется твоя помощь.

— Кого убили?

Яна не была полностью бесчувственной, но если речь не шла о ее знакомых — чего волноваться? А она точно не шла. Мало ли кого убили? Люди каждый день умирают, так что ж теперь — волноваться? Если бы дело было в Аэлене, Ланисте или даже том же Гарте — Рошер не был бы так спокоен.

— Убили дочь градоправителя.

— И?

— Ему не хочется, чтобы схватили какого-нибудь непричастного бедолагу. Нужно, чтобы за смерть Синты ответил именно тот, кто виновен.

— Логичное желание. Ее Синтой звали?

— Да.

Яна потянулась, почесала крылья. Ныли они немилосердно.

— Что от меня требуется?

— От нас. Лойрио Эрен оценил то, что мы сделали для Аэлены, и просит нашей помощи.

— Найти убийцу? Но...

— Яна, мы же разобрались с теми, кто пытался убить Аэлу?

— Это случайность.

— Так давай попробуем превратить ее в закономерность?

Нархи-ро невольно заинтересовалась. С одной стороны, она — Риккэр, ее работа — накапливать знания, вот в архив она бы устроилась, или в библиотеку, или... Только людям это не требуется.

А ей нужно на что-то жить.

С другой стороны — Рошер.

Приятель просто расцвел. Улыбается, глаза горят. Если она сейчас откажется — точно обидится. Или того хуже — потухнет. Нет, так она с ним не поступит.

И самое главное — интересно же! Как тут откажешься?

— От меня что требуется?

— Осмотреть место, где нашли тело. Осмотреть само тело.

— А ее отравили?

— Нет. Ее убили ножом.

— А зачем тогда?..

— Мало ли что она приняла перед смертью?

Яна пожала плечами, но спорить не стала.

— Если хочешь — там, на столе, в кувшине, холодная ягодная вода. Я буду готова через десять минут. Прогуляемся, а по дороге ты мне расскажешь подробности, ладно? Ааша! Ох-х-х!

Рошер не сдержался, зафыркал:

— Да, теперь у тебя новая порода. «Зеленый волк» называется.

Яна посмотрела на Рошера как на врага народа и ухватила волчицу за что подвернулось. Почему-то под пальцы попался хвост.

— Чудовище! Купаться пойдем! Поняла? С мылом! Вот как тебя, такую, домой пускать? Ты же на кровать полезешь!

Судя по морде Ааши — да, полезет. И с огромным удовольствием. И насчет зелени она тоже специально, вот!

Яна вздохнула и направилась в дом. Волчица повернула морду к Рошеру и оскалилась. И он готов был поклясться: зверюга улыбалась. Чувство юмора у волков? Или это уже не совсем волки?

* * *

Для начала Рошер и Яна решили навестить место происшествия. Тело-то никуда из дома стражи не денется, разве что к родным, но это — завтра. А вот на месте... Может пойти дождь, могут набежать люди, тогда точно ни концов, ни следов не найдешь...

Они успели.

Пока по городу не пошли гулять слухи о смерти дочери градоправителя, можно работать

нормально. Вот спустя дня два начнется. Любопытство людей неискоренимо и интерес к месту смерти — тоже.

— Кто ее нашел?

— Ланист.

— Каррер? А он там какими судьбами?

— Катался верхом с утра, вот и нашел.

— А кто еще?

Рошер рассказывал, как прошло утро. Нархи-ро слушала, Ааша носилась вдоль дороги, гоняясь за птицами, подпрыгивая и смешно подергивая лапами в полете.

Сараи стояли на месте, радуя взгляд дырявыми крышами и покосившимися стенками.

— Вот там она и лежала, — указал Рошер.

Яна потрепала волчицу по загривку:

— Ааша, ищи. Ищи следы, маленькая моя. Кто был, что делал...

Волчица нырнула в травяные заросли и мгновенно скрылась из вида, а Яна посмотрела на Рошера.

— А что тут вообще где?

— Вот сарай, где спал Ивар... Ну, тот приказчик.

— Посмотрим?

Яна открыла дверь и прошла внутрь. В сарае была сумрачно и пыльно, куча соломы в углу примята.

— Здесь?

— Ну да...

Яна поворошила кучу носком сапожка.

— А он крупный? Этот Ивар?

— Ну... не мелкий, точно. А что?

— Понимаешь, такое ощущение, что тут двое спали. Нет?

Рошер пригляделся.

Слежавшееся сено не то чтобы хранило отпечатки тел, но... верно. Для одного вмятина крупновата.

— А если он ворочался всю ночь?

— Ты сам-то в это веришь?

Рошер не верил. Отлично знал, что пьяный — какдохлый, как упал, так и лежать будет. Именно потому они так часто захлебываются блевотиной или отлеживают конечности, да так, что только к магу идти или отрезать к Раш. Да, так бывает.

— Двое? Синта?

— Возможно. Или та девица, которую снял Ивар.

— Думаешь, тут был кто-то еще?

— Не знаю. Ааша сейчас расскажет.

Рошер кивнул. Расскажет. Волчица.

Ну и что? Уж не глупее некоторых людей! А если посмотреть, то так даже и умнее, и уж точно порядочнее.

— А где лежала Синта?

Вдвоем Рошер с Яной обошли примятую траву.

— Крови маловато, — заметил Рошер.

— И что с того?

— Или нож остался в ране, или наш убийца — точно не приказчик.

— Почему?

— Хладнокровие должно быть... Ты видела, как убивают?

— Я видела, как умирают. И что?

— Это же не минутное дело, понимаешь? От ножа, даже если он попал в нужную точку

— тоже. Должна прекратиться агония, потом убийца ждет несколько минут, чтобы кровь прекратила течь, и выдергивает нож из раны...

— Я поняла. Хладнокровие? Не совсем верное слово. Это должен быть человек очень жесткий, решительный, даже жестокий, но... Такие не убивают ради развлечения?

Рошер задумался:

— Да, ты права. Синта или что-то знала, или видела, пусть случайно.

— А те двое...

Рошер припомнил обоих мужчин и чуть скривил губы.

— Яна, не обижайся. Приказчик вообще тряпка, но и Ланист не смог бы. Вот *так* убить Синту — нет.

Яна прищурилась в ответ:

— Так убить или убить Синту?

Сатро Вайст коротко ругнулся:

— Р-раш! Все время забываю, насколько ты не человек.

— Надеюсь, что и не дура. Ланист спал с Синтой?

Под взглядом серьезных больших глаз солгать Рошер не рискнул.

— Время от времени.

— И когда было последнее время?

— Вчера.

Яна поморщилась:

— М-да, я знала, что он неразборчив, но чтобы так? Курильщица смолки — это ведь... как помойное ведро! Туда кто хочет, тот и сливает, она же после дозы под ишака ляжет, я читала...

Рошер покачал головой:

— Они давно знали друг друга. Это случилось — и все.

— Но ты прав. Так бы он любовницу убить не смог. Духу не хватило бы.

— А вдруг?

— Нет. Не верю.

— Потому что он тебе нравится?

— Да, и это тоже. — Яна сорвала травинку, бездумно сунула в рот, пожала плечами. — Он легкий. Вроде Диолата, но безобидный, а мне хотелось развеяться.

Вычленять главное Рошер тоже умел:

— Хотелось? А теперь?

— Брезгливо. Понимаю Аэлену.

Рошер кивнул. Ну да, Диолат... Мужчины иногда считают, что чем больше побед, тем больше уважения. Но не всегда, и не у всех женщин.

— Я думал, у вас будет что-нибудь серьезное...

— Серьезное? Вряд ли. В Лесу мы относимся к этим вещам проще, но мне все равно не хотелось, чтобы мой первый мужчина был таким...

— А я думал...

Яна пожала плечами. Точнее она и сама не знала. Ланист — милый, веселый, обаятельный... Может, и стоило бы попробовать, опыт-то у него есть... Но сейчас ей неприятно.

Ааша вывернулась из травы, прекращая своим появлением тягостный разговор.

— Лапа моя! Ну, показывай, что нашла?

Волчица приостановилась и медленно-медленно двинулась через бурьян, маня за собой хозяйку. Рошер последовал за Яной.

Небольшая полянка встретила их птичьим щебетом. Яна присмотрелась, прошла чуть вперед, стараясь не наступать на следы, и Рошер в очередной раз подивился, как она легко ходит. Словно бы и трава под ее весом не приминается.

— Не знаю. Посмотрим, что тут произошло?

— А ты в этом разбираешься?

— Ну... я же из Леса. Следы-то всяко читать умею.

— И что они говорят? — Рошер предусмотрительно не лез на поляну, чтобы не затапывать.

— Тут было две лошади. Сначала. Потом один из всадников спешил, второй оставался в седле. Вот, видишь, трава примята? С этой стороны — копыта, лошадь стояла достаточно долго, с грузом на спине, переминалась с ноги на ногу. А тут — отпечатки сапог. Человек сначала спешил, разговаривал, люди не умеют говорить, стоя на одном месте, и он расхаживал по поляне, а лошадь — за ним. Вот здесь он опять вспрыгнул в седло, и лошади пошли... Туда.

Яна махнула рукой, предлагая Рошеру пройти в том направлении. Так сатро Вайст и поступил.

— Лошади шли шагом, бок о бок...

Рядом из кустов вывернулась Ааша, тихо рыкнула, дернула головой в сторону.

— Та-ак... А там что?

Яна ловко скользнула через кусты, Рошеру так не удалось. И откуда тут такая колючая ежевика? Пока отцепишься...

— Ты чего?

Рошер коротко кивнул на куст. Яна подошла, скользнула пальцами по ежевичной плети — и сатро Вайст обрел свободу.

— Этих двоих кто-то подслушивал.

— Серьезно?

— Там отпечатки сапог. Мужских.

— Не Синта? Точно?

— Такой ножки у женщин не увидишь. Хотя... надо посмотреть.

Рошер фыркнул:

— Синта была миниатюрной, изящной.

— Значит, точно не она. Там сапоги здоровущие. Крупный, наверное, человек.

— Необязательно.

— И следы глубокие. Двое беседовали, третий подслушивал, а потом пошел. Кстати, в ту же сторону, что и они.

— Это куда?

Яна указала направление.

— Я попросила Аашу пройти по следу, она найдет. А мы за лошадьми. Опа! Смотри!

Взгляду Яны и Рошера открылись сараи. Те самые.

— Эти двое поехали сюда. И шпион сюда же пошел. А где Синта лежала?

Рошер повел Яну к нужному месту, но — увы.

— Нет. Тут все так затоптали, что теперь ничего не поймешь.

— Даже ты?

— Даже я. Да и лошадь тут была... Нет, не определить.

— Итак, подводим итоги. Ланист Каррер с кем-то разговаривал.

— И желает сохранить это в тайне.

— Их подслушивали.

— А вот это — интересно. Сам подумай: вряд ли Ланист вывешивал объявление о встрече?

Рошер задумался:

— Слуги?

— Или Синта?

— Хм-м... надо уточнить у лойрио. Если он решит пооткровенничать.

Яна в этом весьма сомневалась:

— Может, с тобой и один на один? Не знаю...

— Я подумаю, как его разговорить. Или не его, — согласился Рошер. — Итак, они ведут беседу, потом их что-то срывает с места...

— Необязательно. Просто здесь есть дорога.

— Случайность?

— А в нашей жизни очень многое строится на случайностях. Удобно выехать именно тут — вот и выехали.

Рошер задумчиво кивнул.

— Неясно — увидели Синту или нет.

— И убили ли? Или увидели уже мертвой?

— Думаешь, и такое могло быть?

— А почему нет? Убить Синту могли они сами, мог приказчик, мог тот шпион, мог кто-то четвертый и даже пятый. Как повезет.

— Весьма широкий выбор.

— И нам предстоит сузить круг подозреваемых... — Яна потерла переносицу. — Предлагаю для начала посетить лойрио Эрена и осмотреть тело его дочери?

— Тело пока у стражников.

— Тогда отправляемся туда?

— Как скажете, лайри.

Яна шкодно улыбнулась:

— Я ведь еще и не так могу сказать. Идем?

Рошер предложил подруге руку — и они зашагали к городу.

* * *

— Оргии?!

Сказать, что Караш э'Варс Шаннер был потрясен? Это еще мягко выразиться, ей-ей.

— Нархи-ро и оргии?!

Ответом ему стали такие же большие удивленные глаза спутников. Особенно старался Шетаран. Полный шок.

— Да весь город месяц судачил, — усмехнулась подавальщица.

Дебелая деваха явно гордилась своими формами, выставляя их на всеобщее обозрение. Грудь рвала лиф по швам, тестом вываливаясь из глубокого выреза, бедра распирали юбку, но нархи-ро смотрели отстраненно. И не в их вкусе — и важна была сия девица в первую очередь как источник информации.

Караш думал недолго.

— А ты с нами не присядешь, не расскажешь ли все подробно, а, красавица?

— А работать кто будет, лойрио?

— А если мы время твоей работы компенсируем? И хозяину тоже?

В пальцах нархи-ро блеснуло золото. Подавальщица едва не облизнулась — и решительно присела за стол.

— Спрашивайте, лойрио.

— Кита! Ах ты...

Вторая монетка резко умерила прыть хозяина таверны.

— Вы хотите нам помешать, сар?

Не хотел. Определенно. И лишиться заработка — тоже.

— Да что вы, лойрио! Сидите-сидите. Я сам сейчас все подам...

За золото можно и расстараться, и не мешаться под ногами. Так что Караш отвернулся от мужчины и обратил внимание на деваху:

— Так что там за оргии, милая?

— Ох, и сказать-то срамно! Есть у нас лойрио Варлей, а у того — сын. Редкостным оболтусом выросший, надо отметить. Вот с пару месяцев тому назад и случилось. Представляете, устроил оргию, да какую! Мало не двадцать человек! С собаками, мужчинами и нархи-ро!

— Мужчи́нами нархи-ро?

— Да вроде как там девушка была. С собакой. Сняла она комнату по рекомендации моей подруги, и в первую же ночь лойрио Варлей туда и пожаловал. И такое закатили — чуть крышу не снесло! Говорят, голые люди из окон выскакивали. Я-то сама не видела, но Таша точно в курсе!

— Таша?

— Так подруга-то моя! Она как раз живет по соседству, вот и рассказывала! Прямо из всех окон, да без одежды! Разве что кто-то срам простынями прикрыл!

— Лойрио Варлей, да?

— Ну да. Младший.

Караш задумчиво кивнул. С девицей говорить не о чем, кроме сплетен и слухов, она ничего предоставить не могла. А вот лойрио...

— А найти-то его где можно?

— Так в поместье! Отец запер от греха подальше! Срам-то какой!

— Да уж, немалый, — поддакнул Караш.

Остальные члены группы молчали, не мешая начальнику. А Караш поблагодарил разносчицу еще одной монеткой, расспросил, где найти старшего лойрио, отказался от дополнительных услуг и вежливо выпроводил деваху из-за стола.

И посмотрел на своих людей:

— Доедайте да пойдём, поговорим с лойрио. Интересно мне, не Тайяна ли тут отметилась?

— В оргии? — Глаза Шета стали вовсе уж громадными.

— Ты сам-то в это веришь?

Не верил. По лицу видно.

— Во-от. Значит, многое приврали. Хотелось бы точно знать — что именно. А может — и куда уехали эти загадочные нархи-ро? И одна там нархи-ро была или несколько?

Шетаран кивнул. В мыслях царил абсолютный хаос. Тай была здесь? Но как?! И когда? И...

Ничего не понятно. Придется идти и разговаривать с людишками. Определенно.

* * *

Тайяна занималась тем же самым. Разговаривала с людишками. Только вовсе не пренебрежительно, как мог бы тот же Шет. За время жизни среди этих странных существ она научилась их уважать. Люди были во многом непонятными, но среди них встречались такие, как Авельены, Эрен, Рошер... Разве мало? Может, появятся и другие, но это при условии, что она не оттолкнет никого видимой холодностью.

Так что со стражниками Яна была мила и приветлива.

Рошер здоровался, хлопал кого-то по спине, смеялся, представлял Яну своим знакомым, а знакомых Яне — и та тоже улыбалась. Правда, объятий не допускала: Ааша, жмущаяся к ее ноге, очень способствовала сохранению дистанции.

Наконец Рошер закончил с ритуалом приветствия и перешел к делу.

— А Синта...

— В холодной.

— Проводите? Лойрио Эрен разрешил осмотреть тело.

— А Шойс?

— И он тоже, Маки свидетель.

— Было, — подтвердил один из стражников, усатый крепыш с такими румяными и круглыми щеками, что они походили на яблочки. — Оба как есть разрешили.

— Тогда проводи, — согласился стражник. — Если что — прикроем. Зверюга с вами?

— Со мной, — кивнула Яна.

— Не нагадит?

Ааша смерила стражника убийственным взглядом. Она?! Нагадит?! Да сам ты... гад!

Но от шуточек в волчьем стиле воздержалась. Сейчас хозяйке нужны эти люди, а вот на обратном пути...

— Она умная и ученая, — спокойно ответила Яна. — Если что — сама все убирать буду.

Этого хватило. Маки кивнул и повел друзей внутрь здания.

Яна оглядывалась по сторонам, но интересного было мало.

— Караулка, оружейная, — давал пояснения Рошер, — комната отдыха, комната для задержанных — три штуки...

Холодная оказалась в подвале, как и следовало ожидать. Там-то на столе и лежало тело. Маки проводил их и тут же смылся, прикрыв дверь, но друзья уже не обращали на него внимания.

Яна поежилась. Не то чтобы ее сильно трогало зрелище мертвого человека, но... Вот только что она была живая, двигалась, смеялась, чего-то хотела, а теперь... Теперь ее нет. Совсем нигде нет. И здесь на столе лежит только оболочка. А еще горюют близкие и родные, а кто-то, убивший девушку, ходит по свету и усмехается. Померла — и Раш с ней...

Вот такого допускать никак нельзя.

Яна подошла поближе, коснулась ледяной руки.

Я узнаю, кто это был, — пообещала она. Пусть про себя, но казалось, душа слышит эти слова. — Я узнаю и отплачу по справедливости. Ты не уснешь неотомщенной, обещаю...

И наконец позволила себе взглянуться.

Синта была красива. Даже сейчас, после смерти. Светлые волосы чуть ли не до пояса, шикарная фигура, высокая грудь, тонкая талия и длинные ножки. Маленькие ступни, кстати. Кто бы там ни ходил — точно не она. Те сапоги на шпионе... Синта бы в них обе ноги засунула без труда. Но не засовывала. Дорогие кожаные туфельки прочно держались за счет ремешков на щиколотках, обувь измарана в грязи и травяной зелени.

Спокойное лицо привлекательно даже после смерти. Голубое платье ей наверняка шло. И Яна готова поспорить — глаза тоже были голубыми. Но смотреть и проверять не стала.

— Что бы ни случилось — она и осознать не успела.

Рошер кивнул, соглашаясь.

Лицо девушки было спокойным. Ни боли, ни ужаса.

— Она подпустила убийцу близко, очень близко. Вот, посмотри...

Одна-единственная рана. Точный удар, прямо в сердце, под левую грудь. Метнуть так нож не удастся, как ни старайся, а вот ударить человека, не ждущего подвоха, — легко.

— И это... мужчина?

Рошер подумал:

— Не знаю. Мне кажется, женщина тоже может так ударить, нет?

— Если хорошо знать человеческое тело — может. Один точный и жесткий удар, нож остается в ране достаточно долго, крови уже мало, но убийца все-таки выдергивает его.

— Оружие, которое легко опознать?

— Вполне возможно. — Яна пожала плечами. — Или чем-то дорогое ему, памятное... Предположить можно что угодно. А еще — он боялся измазаться. Наверняка.

— Ему надо было куда-то идти?

— Ну, кровь на одежде — этим мало кого удивишь поутру?

— Мог бы сказать, что ему нос разбили или руку порезал... Да просто свежего мяса прикупил, нет?

— Может, он был в хорошей одежде?

— Все возможно, — согласилась Яна. — Интересно, у нее с кем-нибудь... было? Ночью?

— Сейчас посмотрим. — Рошер хладнокровно задрал юбку покойницы. Яна пискнула и отвернулась. Есть вещи, которые она сделать не может. Ни за что.

— Рош!

— Ну что — Рош? Как я узнаю, если не посмотрю? Кстати, нижнего белья она не носила.

У Яны вспыхнула даже шея, не то что уши.

— Знаешь...

— Теперь знаю. Было.

Яна покраснела вся, целиком.

— Рошер...

— Я же не прошу тебя смотреть. А признаки есть. Думаешь, мало я изнасилованных повидал?

— Изнасилованных?

— Думаю, тут все добровольно. Синяков-ссадин нет, тело чистое, но — да. С кем-то она ночью... Даже скорее под утро.

— То есть всяко не спала.

— Могла и услышать кого-то, и выйти...

— Интересно, — задумалась Яна, — наш большеногий шпион и любовник Синты — не одно и то же лицо?

— А мне другое интересно. — Рошер прищурился. — А где?!

— Что — где? — не поняла Яна.

— Где они этим занимались?

— Дело нехитрое, могли где угодно.

— Да не скажи. Если бы в траве — она была бы вся зеленая, так? А платье более-менее чистое. Да повернись уж, стеснительная ты наша, я все прикрыл.

Яна фыркнула, но развернулась.

— Согласна. Платье чистое. Ну, насколько можно. На траве в нем не валялись.

— К стене не прислонялись. — Рошер проверил платье и сзади.

— А что в волосах?

— Соломинки. — Рошер кивнул, выуживая травинку из роскошных светлых волос. — Значит, спала с Иваром?

— Это... тот приказчик?

— Именно.

— А он был в состоянии... эээ...

— Стояния? Вряд ли. Судя по внешнему виду — всю ночь продрых, как убитый.

— Напился? Тогда — да, не до стояния.

Яна чуть отыгрывалась за момент смущения. Но ведь одно дело — рассуждать о любви, а другое — осматривать мертвое тело, чтобы установить, чем оно занималось при жизни.

— Думаешь, с ними был кто-то третий?

— Да мало ли? Ивар сам признался, что был никакой. Там и пятый бы пошел... Самого бы поймали — не заметил! Вроде помнит голубое платье... Но помнит или потом просто себе додумал?

— Может быть и такое. Знаешь, явно надо поговорить с Ланистом.

— Если он станет с нами откровенничать.

— А если мы пригрозим, что пооткровенничаем с лойрио Эреном?

— Яна, вот этого я бы делать не стал.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, какие у него дела. И что могла услышать — или увидеть — Синта. Дочь градоправителя не пожалели, а ты думаешь, пожалеют тебя или меня?

— До меня не так легко добраться.

— Да неужели? — Рошер прищурился. — Ааша тоже смертна. И тебя арбалетный болт достанет.

Яна пожала плечами:

— Думаешь, все настолько серьезно?

— Яна, ты взрослая женщина. И умная. Не стоит недооценивать противника, тем более заранее.

Нархи-ро вздохнула.

Ну да, излишняя самонадеянность еще никому пользы не приносила.

— Извини. Но если Ланист и правда замешан — он ведь не станет с нами откровенничать.

— Тогда поищем другие пути. Расспросим слуг, друзей... последим за ним. На худой конец.

— Я могу напроситься в гости и порыться в бумагах.

— Тоже пойдет. Так что не ругайся с ним пока, ладно?

— Сделаем вид, что ты мне ничего не говорил.

— Можно подумать, вы, бабы, что-то понимаете в высоких мужских чувствах? — Рошер улыбался.

Яна вздохнула и на миг прижалась лбом к его плечу.

— Рош, как хорошо, что ты у меня есть.

— Я тоже так думаю. — Рошер потрепал нархи-ро по выгоревшей макушке.

Иногда он забывал, насколько молода его напарница. А ведь совсем еще девчонка по человеческим меркам. И конечно, ей тяжело. Вдали от семьи, Леса, привычного уклада жизни — вот она и ищет себе новых родных. Хотя бы и его. И Рошер ее не обидит.

— С Ланистом решили. Но, может, сначала наведаться к лойрио Эрену, поговорить с ним?

— Можно и так, но он просил не раньше чем завтра.

— Тогда стоит уважить просьбу, — согласилась Яна.

— Значит, так и сделаем. Завтра — Эрен, потом, после разговора с ним и его домочадцами — разбираться с Каррером. Может, чуть больше узнаем о Синте, станет легче вести разговор?

Яна задумчиво кивнула:

— Ты прав. А сегодня я займусь садом. У меня там столько забот...

— Пойдем тогда?

— Пошли.

Дверь холодной мягко закрылась. Вопрос Рошер задал уже на лестнице.

— Тебе нравится домик, который мы тебе нашли?

Яна подумала пару минут.

— Не знаю. Но это — мое имущество, а улучшить его — дело времени и денег. Знаешь, в Лесу у меня не было ничего своего, разве что Ааша... Да и то... скорее это я — ее. А здесь совсем другая жизнь. Так странно.

— Но тебе она нравится? Ты не хочешь вернуться?

Яна замотала головой.

— Нет! — И удивленно, даже для самой себя: — Я хочу... остаться. Со всеми вами.

* * *

Лойрио Шенар Варлей не слишком-то понравился Карашу. С точки зрения нархи-ро —

они высшая раса, а людишки — уже так, побочно. С точки зрения человека — приперлись тут, понимаешь, из леса! Выгоды никакой, а сыном интересуются... Зачем?!

Впрямую он не спрашивал, но вел себя так, что Караш уже на третьей минуте разговора понял: либо откровенность за откровенность, либо катитесь к Раш в лапы, дорогие друзья.

Второй вариант его не устраивал, а потому...

— Нам очень надо поговорить с вашим сыном, лойрио.

— Разумеется, как только его здоровье чуть улучшится...

— Мы подозреваем, что в той... неприятной истории с оргией, — Шенар чуть поморщился, но перебивать не стал, — замешана одна из нархи-ро. Девушка. Мы хотели бы выяснить, что с ней, и по возможности помочь.

Какое-то время Шенар разглядывал нархи-ро. Внимательно, пристально, словно прикидывая, сколько вранья в сказанном, а потом смирился и махнул рукой.

— Для этого необязательно говорить с моим сыночком. Я могу помочь вам, сатро.

— Если вы будете так любезны, лойрио.

— Это девушка по имени Тайна... Таяна...

— Тайяна?

— Да, как-то так. С ней была волчица.

— Тогда это точно она! А где они встретились с вашим сыном?

— На дороге. Насколько я понял, девушка шла в город, мой сын оскорбил ее — и в результате оказался ответно оскорблен волчицей. — Шенар чуть заметно улыбнулся. — Спустить такое унижение сын не смог и решил отомстить на свой лад. С-сопляк. Вместо того чтобы подумать головой, придумал наведаться к девушке ночью! В гости. С понятными целями...

Караш кивнул:

— Я могу понять, но не одобряю.

— Верьте мне, сатро, я тоже не одобрил. Тем более то ли они что-то перепутали, то ли девушка оказалась умнее, чем им представлялось, но в комнате их встретили штук пять бандитов. Завязалась схватка, на шум прибежала хозяйка, спустила на всех кобеля... В буквальном смысле, знаете, есть такие псы, с теленка размером... Так что спастись бегством пришлось через окна — и правым, и виноватым. Вот это и приняли за оргию.

— Тайяна в ней не участвовала.

— Ее там вообще не было.

— А вы не знаете?..

— Нет. Вот куда она делась — я не в курсе. Может, ушла из города или уплыла на корабле — возможно всякое.

Караш кивнул. Лойрио не лгал, это видно.

— А сын не говорил вам... Там не было следов разгрома или чего-то...

— Нет. Все чисто. Иначе бы он с порога заподозрил неладное. Можете поверить, я его тщательно расспрашивал после того случая.

Караш и не сомневался. Потому как сам не менее тщательно расспрашивал лойрио. И успокоился только где-то через час. Выяснил все вопросы и принялся откланиваться:

— Благодарю за бесценную помощь, лойрио.

— Надеюсь, эти сведения вам пригодятся, сатро...

Надеется он.

Да пригодятся, конечно. Но ведь девчонку еще и найти надо! Так что к своим Караш

вернулся весьма задумчивым.

— Оргии не было, — обрадовал он Шета, который смотрел во все глаза.

— А что...

— Недоразумение.

— Но...

— Это точно Тайяна. А вот куда она делась — неизвестно.

Караш действительно не знал — куда. Не знал и лойрио. Если бы нархи-ро попала кому-то в руки, сплетня бы просочилась. Здесь ли, там ли, так или иначе... Только вот кому?

Бандитам? А чего они тогда ждали лойрио? Удрать не могли? Опять же, нархи-ро, конечно, не герои, но оказать сопротивление вполне могут. Как и волчица. Ту вообще просто так не убить.

Но — допустим! — Тайяну схватили и унесли, волчицу убили... И остались прибирать? Нелогично получается. Для этого и одного бандита хватило бы, край — двух. А то и вовсе — сунули бы монетку хозяйке, та мигом бы про постоялицу забыла. И скандала не получилось. Ой, не вяжутся концы с концами. И...

— Ты знаешь, когда она сбежала?

— В пятый день месяца рубина, — пожал плечами Шет.

— Вот. А скандал случился на седьмой день того же месяца.

Глаза нархи-ро округлились:

— Но... как?!

— Вот и мне интересно. Как нархи-ро могла быть в Лесу, а через день — уже здесь?

— Никак.

Караш не был так категоричен, но пока и он пребывал в недоумении:

— Это точно она? Мало ли...

— Отец тебе ничего не говорил? Из Леса другие девчонки не сбегали?

— Нет...

— Значит — точно.

— Тогда я ничего не понимаю.

— И не ты один.

Караш рассматривал несколько вариантов. Первый — это не Тайяна. Второй — путаница со временем. Третий — чудо. А вот какой верен?

Это еще предстояло выяснить.

— Разбиваемся на группы по двое и прочесываем город. Рано или поздно найдется желающий поделиться сведениями о Тайяне. Нужно установить, что с ней случилось.

Шет послушно кивнул.

Конечно. Установить, найти и вообще...

А как?

И надо ли?

На последней мысли его руки сжались в кулаки.

Надо ли?! Еще как надо! Ты мне, мерзавка, ответишь за все, в том числе и за шуточки про оргию! Вот!

Ну, оргия не оргия, а бордель в картине мира присутствовал. Яна сидела напротив каны Ш'аальзеи и попивала из крохотной фарфоровой чашечки вкуснейший ланти. Умели его здесь делать...

— Думаю, еще от пары-тройки выступлений не откажешься?

Женщины давно перешли на непринужденный стиль общения. Яна признавала за Ш'аальзеей ум и опыт, Ш'аальзея за нархи-ро — ум и желание узнать что-то новое. Этого вполне хватало для уважения, а раз так — ни к чему лишние реверансы. Только время зря терять.

— Конечно, нет. Особенно если они достойно оплачены.

— Когда это я тебя обманывала с деньгами? — неискренне оскорбилась Ш'аальзея. Яна подарила женщине улыбку:

— Никогда. И впредь, думаю, не будешь.

— Ты все равно здесь столько не проработаешь, чтобы это стало выгодным.

— Обманывать меня?

— Ну да.

— А не проработаю почему?

— Или замуж выйдешь... Нет, нечего тут губы кривить. Выйдешь, куда ты денешься?

— От одной свадьбы уже делась.

— Так то ж с нелюбимым да неумным, полагаю?

Предположение было идеально правильным. Яна кое-что рассказывала о себе, а Ш'аальзея была достаточно умна, чтобы составить из обрывков целостную картину.

— Верно.

— Вот. А найдешь кого достойного — а ты найдешь, не для любовниц создана и не для случайных связей, уж я-то насмотрелась, — запретит тебе муж сюда бегать, сама понимаешь.

— Даже посидеть за чашечкой ланти?

— А это уж как себя поставишь. Но, думаю, работать у меня перестанешь. Так вот — или замуж выйдешь, или уедешь куда, когда тебе тут наскучит.

— Пока не наскучило.

— Хорошо. Но кто знает, что дальше случится?

— Наверное, что-нибудь интересное... Кстати, у градоправителя дочь убили.

— Синту?

— Да...

— Допрыгалась, сучка.

Яна только глазами хлопнула:

— Что ж она такого сделала — для подобного отзыва?

Ш'аальзея только фыркнула в ответ:

— Ты лучше спроси — чего она не делала? Ты ведь о ней расспросить хотела, верно?

— Верно. А расскажешь?

— Расскажу. Синту Эрен знаю уж лет шесть, она начала ра-ано...

Рассказ Ш'аальзеи был не особенно длинным, но весьма любопытным для нархи-ро. Яна слушала с искренним интересом. Столько она бы ни от кого не узнала, да еще в таких подробностях.

Бунтовать против родительского диктата девчонка начала мало не в четырнадцать. На свой лад, конечно. Сначала явилась к Ш'аальзее и предложила у нее поработать. Можно — за чисто символическую плату. Не ради денег, ради самого процесса. Ну и родителям насолить.

Ш'аальзея таких идей не поняла. Жить хотелось, знаете ли. У нее тут дело, доходный дом, а она поставит все под удар из-за прихоти соплюшки?

Ох, не смешно!

Синта была выдворена за порог быстро и жестко. К лойрио Эрену гонец не полетел просто потому, что дурой Ш'аальзея отродясь не была. Кто б ей поверил в тот момент?

Вот когда спустя месяц лойрио Эрен получил на руки свою дочурку в непотребном виде из портового борделя... Бордель сторел, хозяин куда-то исчез (дураков не жалко), а Синта пустилась во все тяжкие. Переспала с половиной города, не брезговала моряками, подхватывала и лечила дурные болезни, не особо скрывая свое хобби... Лойрио Эрен рвал на себе волосы, но... запретить всем и сразу не получится, а как-то оградить девчонку...

Ш'аальзея могла бы помочь, благо и знала, и имела навыки, но ее не спрашивали, а она сама — не предлагала. Вот еще не хватало — лезть в дела высокородных.

И, разумеется, Синта вытворяла все не просто так. Чтобы насолить отцу, матери, брату, она бы лишайного ежа с колючками слопала, не особо задумываясь. Только вот кишка у нее была тонка.

Пакостить по мелочи — да. Это как раз в ее стиле. А вот нечто серьезное... Нет, она бы не потянула. Глуповата, взгальновата, истерична...

— А могла влезть во что-то серьезное?

— По глупости — могла.

Яна кивнула. Ну да. Вот и ключевое слово — по глупости. А что делают с дураками в серьезных делах? А вот то. Убирают из дела. Быстро и решительно.

— А о ее делах в последнее время ничего не слышно?

— Слышала. Вроде она с каким-то къянти свела знакомство — и тот чуть ли не некромант.

— Къянти? Быть не может! — искренне возмутилась Яна.

— Да неужели? А что у нархи-ро знают про некромантов?

Яна пожала плечами и кратко изложила, что знала о темных. Раса, привычки, склонность к некромантии — врожденная. У людей ее попросту нет, разве что баловаться будут...

— Вот уж не знаю, баловство там или что еще, а слухи ходят. Сама понимаешь...

— Слухи не убивают.

— А это как сказать. Знаешь историю про великого волшебника с севера?

Яна вскинула брови:

— Может, знаю, а может, и нет... Расскажешь?

— Расскажу. Жил-был город. И жил в нем великий темный колдун. Если он хотел убить человека, клал на порог дохлую змею — и на третий день человек умирал в страшных мучениях. И управы на злодея не было, все боялись. А потом приехал человек с севера. Высокий, бледнокожий — и воин к тому же. И первое, что сделал — не уступил дорогу колдуну, да еще и отmaterил его черными словами. Разгневался колдун и положил ему змею на порог. Выкинул ее приезжий и живет дальше. И вторую змею выкинул, и третью, и десятую... Тут-то и поняли, что это — Великий Волшебник. Пошли люди к нему на поклон, умолять, чтобы он их от колдуна спас.

— И спас? — Яна уже ухмылялась во весь рот, предвкушая окончание истории. Было у Ш'аальзеи такое — нравились ей забавные сказочки на все темы, только вот мало с кем она могла поделиться.

— А то как же? Пошел к колдуну, излупил чем под руку попало и из города пинками выгнал. Да еще приговаривал: ты мне, такой-сякой, все крыльцо своими дохлыми змеюками загадил, я их закапывать замучился!

Так вот и вышло — не колдовство убивало, а страх. А уж чем его подкреплять — дохлыми ли змеями, живыми ли наемниками...

Яна понятиливо кивнула:

— Попомню.

Идея ясна. То ли некромант, то ли нет, а человек опасный.

— А где можно найти этого неизвестного?

— Знать бы. Название корабля я как-то не уточняла, ни к чему было. Если узнаю — скажу. А вообще, в последнее время ее в одном кабаке частенько видывали.

— В каком?

— «Ражий медведь». Или «Рыжий медведь»? Не помню точно, но там попробуй расспросить.

— Спасибо, кана.

— Сплетни собирать — ума не надобно, — отмахнулась Ш'аальзея, давая понять, что Яна ей ничего не должна. Невелик труд — пару историй пересказать.

Впрочем, Яна все равно положила себе при случае отблагодарить ее.

Медведь, говорите?

А у нас волк есть. И не хуже вашего... рыже-ражего.

* * *

Рошер тем временем гулял по городу.

Да, и такое тоже бывает. Идешь по улицам, разглядываешь дома, любишься облачками на небе или там — плитками на мостовой... Хорошо! И на душе спокойно.

Кто-то возразит: да мы по этому городу каждый день ходим!

Ходите. А видите ли его?

Видите его красоту, строгое и спокойное достоинство, изящную сдержанность одних домов и крикливую пышность других? Знаете, о чем могут поведать их камни, задумывались, какие трагедии происходят за их стенами?

Вряд ли.

Иногда люди ужасно невнимательны. Они мчатся туда, сюда, потом еще куда-то — и когда оглядываются, оказывается, что, кроме бешеного бега в жизни, и вспомнить-то нечего. И, осознав эту истину, Рошер пообещал себе, что с ним такого не случится.

Просто медленно пройтись по городу, подмечая и цветы в палисаднике, и рисунок на ставнях, и веселую улыбку девушки за забором... Приятно!

— Рош!

— О, Гарт?! Приветствую высокородного лойрио...

— А в глаз? — непринужденно осведомился «лойрио».

— Если попросишь — так и быть, для друга не жалко, — улыбнулся Рошер. — Как, вернулись твои?

— Вчера приехали. Аэлена довольна.

— Аира теперь трайши?

— Почти. Сама она не трайши, но титул перейдет ее первому ребенку мужского пола. Или второго. Король тоже не дурак подшутить — сказал, пусть передает титул тому, кто рисовать будет. Раз уж у Вильтена такой дар в роду.

Рошер фыркнул:

— А остальное?

— Имущество? В управление Аэлене до совершеннолетия дочери. Потом пусть сама распоряжается.

— Лин счастлив?

— Не то слово. Ему и в дело деньги бы не помешали, но уж больно источник... своеобразный.

— Зря мается. У Вильтена с Аэлой ведь ничего не было...

— Да он и сам понимает. Но достойно ли?

— Это уж он пусть сам решает. А с Диолатом что?

— Горе горькое. Представляешь — лишился свет нашего трайши.

— Ай-ай-ай, — так же горестно закивал Рошер. — И как же это случилось? Приступ сенной лихорадки?

— Почти. Тяжелое падение с лестницы. Говорят, вниз летел, за перила цеплялся, вот и... Печали в голосе мужчин хватило бы аккуратно чайной ложечкой зачерпнуть.

— Аэлена, как про Яну узнала, так в гости собралась. Говорит, у нее там куча мебели, ковров и прочего, что из моды вышло, а выкинуть — рука не поднимается. Хочет подругу облагодетельствовать. Не знаешь, не обидится?

— Вряд ли. Да ей сейчас и не до обид, поинтереснее дела есть.

— Какие? — тут же насторожился Гарт.

— Синту Эрен убили, знаешь?

— Знаю. Допрыгалась, значит.

Рошер взглянул на друга.

— Тебя она тоже... э...

— Глаза б мои ее не видели, дрянь мелкую.

— А подробнее?

— А тебе зачем?

— Лойрио Эрен попросил найти убийцу, — признался Рошер.

Гарт поморщился:

— Знаешь, когда найдешь — скажи мне первому, я ему руку пожму.

— Что, настолько?..

— Пошли посидим где-нибудь в таверне или леанти, и я расскажу, что знаю.

Вина Гарт не предлагал, а Рошеру и не хотелось. Ни к чему. Дело интереснее...

Увы, про Синту Гарт знал не слишком много.

Первое — Эрен предлагал свою дочурку в жены многим, и ему в том числе. Гарт отказался — и чуть не испортил отношения с градоправителем. Кое-как выправились, и то потому что Синта нечаянно помогла, попавшись на глаза пьяной в хмель. То есть на той стадии, когда не понимаешь, ноги у тебя сверху или снизу? И вообще, ты человек или кто?

Второе — из высокородных Синта перебрала всех. Гарт и сам один раз не утерпел, оскормился. Алинар, кстати, тоже. Впрочем, надолго братья ей не заинтересовались. Отказать очень сложно, тут и привлекательность, и сила духа, да много чего... Хороша была, но — дрянь. Гарт ее поймал, когда она после вспышки страсти шарил по ящикам стола, и

выгнал из дому чуть ли не в белье. Ну и самое интересное — на закуску. Он точно знал, что Синта не брезговала и подворовать, и подсмотреть, и подслушать. А то и шантажировать. Спокойно.

Гарт припомнил двоих, кого эта дрянь почти до развода довела. Один вроде бы и собирался ее прибить, да руки не дошли. Или...

— Может, и дошли. Дело там темное. Имена назовешь?

— Тут и называть не стоит. Один лойрио из города уехал, сейчас живет в столице.

— А второй?

— В поместье. Я, конечно, проверю, там он был, не там... А сам не лезь к людям, а? Им и так досталось.

— Не полезу. Но имена назови, ладно?

— Моего слова недостаточно?

— Гарт...

Имена Рошер получил. И домой добрался к вечеру. Идти к Яне делиться новостями уже поздно. Ничего, потом наверстает.

Завтра.

* * *

— Значит, это вы!

Яна посмотрела на девушку, которая произнесла эти слова.

— Я — это я. А вы что имели в виду?

— Вы и есть та самая девка, которая очаровала моего деда?!

Произнесено было с таким трагизмом, что Яна даже не фыркнула. Просто вгляделась внимательнее.

Ну... что тут скажешь?

Волосы — невнятно-русые, высветлены краской, но как-то плоховато. Лицо... непропорционально высокий лоб, брови и ресницы надо искать долго, глаза невразумительные — то ли серые, то ли голубые... Если правильно оттенить, вышло бы неплохо, а так — лицо словно непропеченный блин, да и его черты какие-то смазанные, размытые. Нет ни выразительности, ни изюминки. Этакая крысья мордочка. Не уродливая, нет, но то ли сами черты, то ли выражение лица подгуляло, и смотрит девушка так, как будто очень не любит этот мир. Или он — ее?

Фигура...

Тоже нескладная, никуда не денешься. Словно обрубленный торс, короткие кривоватые ноги, обвислая, низко посаженная попа — это видно. А нечего платья так зауживать. Может, и хотела добиться, чтобы на улице люди оборачивались, так кто ж сказал, что это будет по-доброму? Оборачиваются. Плюнут, да и идут дальше, молясь, чтобы в кошмарах не приснилась.

— Дедов я в последнее время не очаровывала, но если просите...

— Вы еще и смеетесь?

Трагическая актриса в ней тоже погибла. Мучительно. А замашки остались.

— Над вами? Никогда, кайта, — серьезно заверила Яна. Грешно смеяться над такими. — Так что вам угодно?

— Посмотреть на вас!

— А, ну смотрите.

Яна спокойно вернулась к посадке цветов. Хватило девушки ненадолго.

— Вы мне ничего не скажете?

Яна пожала плечами и произнесла несколько фраз на нархи. Пожелание в следующей жизни родиться кем попримечнее. Естественно, девица его не поняла, но что над ней издеваются — догадалась.

— Вы присвоили то, что принадлежит мне, и еще издеваетесь?

— Вашего деда? Не присваивала. — Яна уже откровенно развлекалась, понимая, к чему дело идет. Кому сам по себе нужен старый больной дедушка? А вот с домиком...

— Он вам подарил свой дом! — взвизгнула девица. — А я... Я должна жить на улице?! С мужем?! С маленьким ребенком?!

Голос набирал обороты. На шум из домов высунулись соседи. Яна обвела их глазами. Мда... стервятники, иначе и не скажешь. Одернуть эту дуру никто и не подумает, все наслаждаются спектаклем.

— Почему же на улице? Я знаю очень приличный мост, под которым вы можете расположиться, — «утетила» скандалистку нархи-ро.

Не помогло.

— Мост?! Да кто вы вообще такая?

— Лайри э'Лесс Риккэр.

Девица чуть сбавила обороты:

— И вы... Вы можете давать такие советы?! У вас вообще души нет?

— Не знаю. Надо бы сходить к тархоши, побеседовать на эту тему. А зачем вам моя душа?

— Потому что только бездушное чудовище может предложить женщине с ребенком жить под мостом!

— И что такого? Мы вообще на деревьях живем. — Яна получала удовольствие от перепалки. Это ж надо — такая концентрированная глупость и наглость. — И пока еще никто не жаловался. Мост в этом плане даже лучше — во время дождя не капает.

Девица задохнулась от возмущения, но увы — не смертельно. И через минуту пошла в новую атаку:

— А как вы поступили с моим отцом! Возмутительно!

— Ваш отец? А, это тот, который явился пьяным и ругался тут в саду? Как вам не стыдно, карра!

Валайра, а это явно была она, захлопала глазами:

— Мне — стыдно?!

— Конечно! Выпускать отца на люди в таком виде! Весь ободранный, грязный, недолеченный, выглядит так, словно им нужник вытирали! Мало того — еще и пьяный! Да если б мой близкий родственник в таком виде на улице показался, я б со стыда сторела! Он же не себя — он вас позорит!

И трагизма побольше, трагизма. Разумеется, Яна могла бы давно выставить эту нахалку, обругать ее, спустить волчицу... И — не могла. Ей еще жить в этом квартале. Ей нравился домик, тут хорошо и уютно, она дала слово Атиону... То есть надо принимать бой.

Но люди — такие странные!

Жалуют не тех, кого надо, а тех, кто им ближе, кто понятнее и громче стонет. Вот

почему никто не пожалел Славеруса, который на старости лет вынужден сбежать из дома от таких «уродственничков»?

А в голову не пришло.

А эта сейчас явилась, устроит спектакль на всю улицу, порывает, в пыли повалится, еще и против Ааши всех окружающих настроит — и будет Яна злой девицей со злой зверюгой, а Валайра — невинно пострадавшей.

Нет, так дело не пойдет.

Потому и валяла нархи-ро дурака сколько могла. Ей-то этот вопрос кровно не близок, а задеть ее...

Хм-м...

Задеть может только равный или высший. А Валайру она ни той, ни другой не считала. Ну, девица. И что? Все мы творения божии, только одни — творения, а вторые — твари. И ничего тут не поделаешь.

Вот за что тут уважать?

Пусть Славерус — не лучший человек, но он ведь пытался когда-то стать для тебя родным. Неужели сложно наладить отношения, подружиться... Да хоть что-то?

Нет. Это — нет. А вот денег требовать — запросто. И за что тут ценить, уважать, понимать? Ну, это по-родственному.

А чисто по-человечески Яна видела, что перед ней — типичная мелкая душонка. И ничего в ней нет, кроме желания денег. Больше денег, еще больше денег, и лучше — на халяву. Или — за чужой счет. Нет у Валайры крыльев и не будет, они ей ползать помешают. Тоже вряд ли заслуживает уважения. Такие есть везде, стараются устроиться как можно лучше. Не самое плохое желание, но почему — за счет других? Чего бы самой не попытаться что-то сделать? Нет, это тяжело. А вот паразитировать — это запросто.

Ага, кажется, опомнилась.

— Вам ли судить о моем отце?! Вы вообще не человек!

Яна всхлипнула. Громко, с надрывом:

— Как вам не стыдно! Да, я не человек! И может, даже у меня нет души! Но я же в этом не виновата! Это жестоко... так жестоко с вашей стороны!

Теперь всхлипнуть — и в дом. А там уж нахохотаться от души, зажимая на всякий случай зубами уголок подушки.

Так-то!

Это вам не над дедом издеваться, мы тоже кое-что умеем!

Валайра, оставшись одна на улице, под укоризненными взглядами соседей, даже слегка растерялась. И где это она так просчиталась? Как получилось, что она из пострадавшей превратилась в агрессора?

Вот этого она понять и не могла.

Ладно, сейчас она войдет в дом и разберется с этой нахалкой. И Валайра решительно положила руку на столбик калитки.

Через несерьезную решетку на нее взглянули зеленые волчьи глаза.

— Р-ры? — вежливо поинтересовалась Ааша.

Рука мгновенно отдернулась.

— Волк!!!

— Да нет, Вали, это собака такая, — возразил кто-то из соседей.

«Собака» за калиткой прогнулась, потянулась и оскалила зубы. С собачьими ее роднил

только ошейник с бантиком.

Розовым.

На волке!

— Да волк это! — взвизгнула Валайра. — Волк!!! Его убить надо!

Ааша посмотрела оч-чень многообещающе. Так, что Валайра аж попятилась. И повернулась к соседям, ища взглядом знакомые лица. Ага, а вот и...

— Сар Турмис! Как я рада вас видеть!

— Вспомнила-таки старика, Вали?

— Да разве ж вы старик? Прибедняетесь, сар...

Валайра не напрасно выбрала самого паскудного сплетника на всей улице. Через два часа она будет знать все, что можно, об этой мерзкой нархи-ро. А через два дня сар всех настроит против захватчицы.

Ну а то, что ее потискают в процессе за коленки...

Переживет.

Не в первый раз.

* * *

Рошер явился, когда представление уже закончилось. Яна как раз высаживала цветы. Для разнообразия — в доме. Горшки нашла в кладовой и решила использовать под вьющиеся растения. Когда по стенам поползут зеленые лианы, жить здесь станет намного уютнее.

— Яна, ты дома?

— А где мне быть?

— Аэлена вернулась.

— Отлично! Я завтра в гости зайду! Обязательно! Ей все удалось?

— Да.

— Ладно, мы еще сами посплетничаем, по-женски, — решила Яна. — Так как? У нас все в силе? Идем к Эренам?

— А зачем я пришел? Тебе собираться долго?

Яна прикинула...

— Минут десять подождешь?

— Вполне. Только одевайся как-нибудь траурно, ага? Все-таки у людей горе...

Яна кивнула и полезла в шкаф. И как так получилось, что за время жизни среди людей она обросла одеждой?

Но тем не менее...

Было у нее и подходящее платье. Темно-синее, очень простенькое, очень скромное, очень дорогое. У Аэлены в него после родов грудь не помещалась, а Яне можно бы и вату подложить.

Платье, накидка, волосы причесать и вновь заплести в косу, Ааше повязать здоровущий синий бант...

Волчица на это только фыркала, но соглашалась, что люди смотрят на внешность. Волков с бантиками не бывает — значит, это собака. А раз собака, то безобидная.

Ладно уж, ради хозяйки потерпит.

Рошер окинул нархи-ро одобрительным взглядом. Хмыкнул, увидев, что ленты в волосах

Яны и на ошейнике волчицы — одного цвета.

— Специально?

— Что именно?

Светского воспитания у Яны на троих бы хватило.

— Кстати, мне тут уже насплетничали, что тебя ужасно оскорбили...

— Правда? Это хорошо. Вы, люди, почему-то очень сочувствуете жертвам...

— А нархи-ро? — Рошер галантно предложил локоть.

— А мы сначала разбираемся. Может, жертва там три раза беды заслужила.

— А если нет?

— И тогда не сочувствуем. Исправляем, так-то. Сочувствие — что? Слова, и только. А вот ты делом помоги!

— Странные вы, нархи-ро. Иногда ведь и слово лечит.

— Странные вы, люди. Добрым словом и делом ведь большего добиться можно, чем просто словами?

Так, за легкой пикировкой друзья и добрались до дома градоправителя. И...

Яна только присвистнула, да и Рошер покачал головой.

Паломничество?

Да, подходящее слово. Люди то входили, то выходили, все в траурных платьях, женщины прижимают к глазам платочки, мужчины сдержанно суровы, и у всех, вот у всех до единого в глазах — тщательно скрываемое злорадство. Рошер, может, и не замечал, а Яну просто обжигало. Видно же...

Неужели никто не сочувствовал девчонке, которую вот так убили?! Никто-никто? Кошмар какой! Жестокие люди существа... Или Синта всем успела так насолить?

Ладно, разберемся.

И Яна под руку с Рошером перешагнула порог дома лойрио Эрена.

* * *

Внутри было «цветочно». Настолько, что Яна даже замерла на миг, стараясь справиться с резким ударом по обонянию. Ужас какой-то! Ни вдохнуть, ни выдохнуть... Зачем, зачем люди губят столько цветов? Мертвому ведь уже безразлично?

Гроб с телом девушки был просто усыпан ими. Розы самых разных оттенков, колокольчики, маки, гортензии... Всех сразу Яна даже и не видела, но очень много. И еще несли.

— Интересно, сколько тут цветов от души?

Рошер думал о том же, что и она.

Яна пожала плечами:

— Вряд ли хоть что-то. Поищем лойрио Эрена?

— Давай.

Лойрио обнаружился в гостиной, где вместе с семьей принимал соболезнования. Его жена, полнотелая блондинка лет сорока на вид, а значит, даже и поболее по возрасту, удивительно похожая на Синту, находилась почти в прострации.

А ведь она любила дочь, — пронеслось у Яны. — Любую, какой бы бестолковой та ни была — любила. Но почему никогда не говорила ей об этом? Почему позволяла девчонке

такое? Да даже и выдрала бы ее пару раз — все полезнее было бы, чем на самотек... Почему? Странные люди...

Заплаканные глаза, опухшее лицо, небрежная прическа — нарочитости в матери Синты не было ни на медяк. Ей всерьез было плохо.

Вот сын производил совсем другое впечатление. Для него это — протокольное мероприятие, сразу видно. Если и горюет — то очень в глубине души, так, что не докопаешься.

Сам Эрен — бледен и серьезен.

— Может, с сына и начать? — шепнула нархи-ро.

Рошер подумал пару минут.

— А давай. Сейчас как раз папаша может ему приказать, он с нами и побеседует. И Ааша рядом, соврать не даст.

— Именно.

Рошер подошел в черед остальных, протянул руку для пожатия. Яна сделала полупоклон — ну, как получилось.

— Наши соболезнования, лойрио. Вы помните, мы с вами говорили?

— Да.

Эрен помнил. Еще бы не помнить...

— Так все в силе?

— Да. Приступайте.

— Вы позволите побеседовать с вашим сыном, лойрио?

— И с сыном, и с женой, — кивнул градоправитель. — Керт!

— Да, отец?

— Сатро Вайст и лайри Риккэр хотят с тобой побеседовать. А я прошу отвечать на их вопросы без утайки.

— Как скажете, отец.

Полупоклон получился очень почтительным, но... Яне не понравилось. Мальчишка отнесся к просьбе отца как к очередной придури, вот и все. Может, и побеседует, но сначала попытается потрепать нервы и самоутвердиться.

Яна принялась в упор разглядывать Керта Эрена. Хорош, ничего не скажешь. Оба ребенка лойрио удались в мать, оба достаточно высокие, светловолосые, с резко очерченными скулами и высокими лбами, у обоих короткие прямые носы. Разница начиналась с губ.

У Синты они были полные, яркие даже в смерти, свидетельствующие о страстности натуры.

Узкие и крепко сжатые губы Керта говорили о холодной рассудочности. Но это и неплохо — здесь и сейчас, разве нет?

— Где будем беседовать, лайри?

Керт нагло улыбался. Рошера он словно и не замечал.

— Проводите нас в комнату Синты? — спокойно предложил Рошер. — Там и поговорим. Голубые глаза блеснули гневом.

— А не слишком ли много вы хотите, сатро?

— А вы спросите у отца, чего хочет он, — усмехнулась Яна.

Но вообще — Рошер правильно придумал. Надо бы осмотреть комнату девушки, а с волчьим нюхом это намного проще и быстрее.

Спрашивать Керт не стал, просто поджал губы до полного их исчезновения и направился в глубь дома. Подняться по лестнице, повернуть направо — и вот она, дверь. А за ней — комната Синты. Яна тут же принялась оглядываться.

Да, видно, что это комната девушки. Рюши, оборки, приятный розовый тон — не тот дико розовый, цвета бешеного поросенка, который обожают некоторые, а скорее увядшей розы, очень элегантный. Но на фоне этого цвета любое лицо покажется свежим. Удачно сочетается с кремовым, золотистым и белым... По громадной кровати под балдахином разбросаны подушки.

— Ааша, ищи, — шепнула Яна.

Что искать? Она и сама не знала. То, что покажется странным волчьему нюху. Тайник, чужую вещь, все... неправильное. Они с Рошером тоже посмотрят, но это — потом, потом. А пока...

— Лойрио Керт, ваш отец не сообщил, кто мы такие, — начал Рошер, присаживаясь на кровать.

— И кто же вы такие? — Высокомерием в голосе сопляка можно было сковородку вместо масла смазывать — надолго хватит.

— Нам поручили найти убийцу Синты. — Яна смотрела прямо в лицо парня, глаза в глаза. — Кстати, за что вы ее ненавидели?

Керт дернулся, принужденно рассмеялся:

— Я? Ненавидел?!

— Ненавидели. Сильно. За что?

Яна давила взглядом, голосом...

— Так, хватит, поговорили. — Керт попытался выйти, но перешагнуть через Аашу было сложновато. И страшновато — тоже. — Отзовите свою шавку!

Ааша показала зубы. Шавку? А вот я тебя сейчас как... шавкну!

— Не надо, золотце мое. — Яна подошла к волчице, неспешно потрепала ее по шее. — Не кусай его, он невкусный. И вообще, может быть, даже сестру убил.

— Что?!

Вот теперь Керт возмутился искренне.

— А что слышали. Ненавидели? Было. Значит, и убить могли, — припечатала Яна.

— Да если б всех убивать, кого ненавидишь — город бы уполовинился!

Яна фыркнула:

— Так не всех же! Сестру! Которая может действовать на нервы, делить наследство...

— Не рановато ли вы моих предков похоронили?

— Да пусть живут. Но ведь всякое может быть, нет?

Керт вздохнул. Потер переносицу, опустил в кресло. Теперь стало видно, что он очень и очень молод.

— Вот чего не было — того не было. Я не убивал.

— Но ненавидел? — тихо подсказал Рошер.

И мальчишка сорвался. Оскалился, став похожим на мелкого грызуна, загнанного в угол. Хорек, возможно, или уж, судя по расцветке, горностай?

— Вы бы ее на моем месте тоже не любили! Мелкая эгоистичная наглая гадина! Вот она кто была!

— И почему-то никто не может сказать о ней ничего хорошего. — Яна вздохнула. — Вообще ничего.

— А потому что и нечего — и некому. — Керт сверкал глазами. — Вот представьте себе...

Он говорил, а перед глазами Яны вставали картинки.

Представить? А что тут сложного, это и среди нархи-ро встречалось... Не всегда брат и сестра любят друг друга, ой не всегда. Иногда старший ребенок считает младшего угрозой. Начинает ревновать, злиться, беситься...

Так и произошло в семье градоправителя.

Синта привыкла быть единственной. И когда ей показали кулек в кружавчиках и сказали: «*Ты теперь старшая, а это твой братик, о нем надо заботиться...*»... Мягко говоря, девочке это не понравилось. Тем более что кулек удался болезненным, капризным и мог плакать всю ночь напролет. Конечно, у него были няньки, служанки и прочая челядь, но ведь и родители уделяли внимание! А почему?!

По какому праву?!

Кто он вообще такой?!

Синта привыкла быть первой и самой любимой, а потому на братца обрушился водопад сестринской ненависти. Будь родители чуть поумнее... Но могло и не получиться.

Сначала брата толкали и щипали исподтишка, потом начали подставлять и ябедничать, ну а лет в четырнадцать, обнаружив, что привычные методы результата уже не дают, Синта окончательно пошла вразнос. Может, будь Керт другим...

Из-за частых болезней он вырос достаточно умным. А как тут не вырасти, когда целыми днями лежишь в постели, и никаких развлечений, кроме книг и учителей, не предвидится? Керт учился, читал, размышлял и сопоставлял. И чем дальше, тем больше понимал, что отец занят карьерой, мать — истерична и неумна, пусть любит обоих детей, но толку-то с той любви? Любить и курица умеет! Что сестра его ненавидит и мечтает уничтожить. А сам он? Чего он сам-то хочет?

А вот это главный вопрос. Попусту прожигать жизнь Керт не хотел, в наемники — тоже... Пойти по пути отца? Он даже начал интересоваться делами города, но тут Синта окончательно сорвалась в загулы и загоны. И всем стало не до того.

Когда сестру убили, Керт даже почувствовал облегчение. Больше никто не станет трепать ему нервы. Но...

— Она пыталась вас убить?

Рошер спросил так неожиданно, что Яна дернулась. А уж как дернулся Керт!

— Нет! Что вы! Да я не...

Но даже цветам на окне было видно, что он врет. Понял это и сам парень, смирился и принялся рассказывать.

Было и такое.

Жаркое лето, дети купаются в пруду... Когда Керт почувствовал, как кто-то тянет его вниз за ноги, он не смог даже крикнуть. Забился, задержался — и точно утонул бы.

Повезло.

И в том, что неподалеку купались дети слуг, которым лойрио Эрен не запрещал приходить в поместье, и что один из них случайно заплыл дальше, чем нужно, и что заметил Синту, которая за ноги тащила Керта под воду...

Мальчишка не растерялся, принялся окликать друзей, Синта испугалась и выпустила брата. С тех пор ребята стали друзьями. Только вот ненадолго. Милн стал личным слугой Керта, и тот частенько угощал друга то своим обедом, то сладостями. Ну, не хотелось есть,

вот и... Вот и попало однажды отравленное желе.

Спасти паренька не успели. Тогда им было по четырнадцать. Керт настаивал на расследовании, кричал, обещал объявить голодовку и сдохнуть — не помогло. Он знал, кого подозревать, а потому...

— Я тогда пошел к ней. И сказал, что если еще раз, хоть как-то, хоть что-то...

Яна видела это, как наяву. Именно в этой комнате...

— Я знаю, это ты пыталась меня отравить.

Синта, лежащая поверх покрывала, потягивается, кружево домашнего платья приоткрывает великолепную грудь.

— Пошел вон, щенок!

— И уйду. Охота была с такой гадиной разговаривать. Но сначала ты меня выслушаешь! Если со мной что случится — тобой займется Храм.

Синта фыркает. Ее смешит эта мысль.

— И что они мне припишут?

— Был бы «кто», а «что» — найдется. Я оставил доверенному человеку письмо, в котором рассказываю обо всем, что ты творишь. Пользуясь им... Может, отец тебя и отстоит. А может — и нет? Отдаст куда-нибудь в монастырь, чтобы заперли покрепче.

— Медяк цена твоему письму.

— А вот тогда и посмотришь — медяк или что побольше. Ты же Милна травила не просто так, я знаю, где ты брала яд. И не только.

— Пошел вон.

— И пойду. Но ты меня лучше услышь. Ты уже отцу поперек глотки встала, он за тебя не вступится. Край — попросит, чтобы тебя замуж выдали, а ему внука вручили. — Керт выражается намного более резко, но... Синта сверкает потемневшими от бешенства глазами.

— Если не уйдешь — от тебя отец внуков не дождетя.

— От тебя — так точно. А и дождетя — не обрадуется. Шлюхины дети — позор рода.

Керт выскальзывает за дверь, стремясь оставить за собой последнее слово, и слышит, как о косяк разбивается что-то тяжелое, пущенное вслед умелой рукой.

— С тех пор она не пыталась?

— Вроде как нет. Или меня Четырехликий отводил — не знаю.

Яна кивает. Все возможно. Может, и отводил, а может, поумнела и присмирела. Или... задумала что-то другое?

— Давно состоялся этот разговор?

— Года четыре как.

— Хм-м...

— Да понимаю я! — Сейчас Керта никто бы не назвал даже парнем — сидит тут мальчишка мальчишкой, губы дрожат... — Если она меня ненавидела, то я больше всех и выигрываю от ее смерти! Только неправда это! Ни разу! Я ее не убивал! Незачем! Отец хотел меня в столицу отправить, уезжать со дня на день надо!

— Синта знала?

— Д-да...

Яна и Рошер переглянулись.

— Кораблем?

— Д-да...

— Раш! — коротко рявкнул Рошер.

Яна смолчала, но подумали они явно об одном и том же. Море, корабль, пираты — все спишется. Только вот как это увязать с ее убийством?

— Могли они?

Рошер и Яна переглянулись. Могли пираты взять задаток, но решить, что дешевле убить заказчицу, чем выполнять ее капризы? Могли.

— Найдем — узнаем.

— Р-ры, — вежливо сказала Ааша.

Друзья обернулись на голос. Волчица стояла у стены и принюхивалась. Очень многозначительно.

— Яна?

Тайяна кивнула. Да, именно так. Что-то там есть... такое, что беспокоит Аашу.

Рошер сориентировался моментально:

— Лойрио, побудете свидетелем?

— Э...

— Что мы ничего не подложили, не взяли и не возьмем из найденного?

Керт кивнул:

— Ну да. А что...

Рошер прошел к стене, прощупал, нахмурился:

— Яна, не знаю. Что-то тут, наверное, есть, но что?

Тайяна кивнула. Если бы речь шла о камне, тут скорее помог бы Рошер. Но дерево — кто его почувствует лучше нархи-ро?

— Давай я попробую.

И коснулась чуткими пальцами дерева, ощущая его фактуру, шероховатость, легкое покалывание в кончиках пальцев...

Иди ко мне, хороший мой, покажи свои секреты. Никуда ты от меня не денешься, если я захочу. Я же чувствую, что вот здесь и здесь дерево чуть истончается, а вот в этом месте за ним металл, как петля, и определенно — замок... и он поддается чутким пальцам нархи-ро.

— Ага! Есть! — Под руками панель чуть щелкнула и отошла в сторону.

Керт и Рошер одинаково уставились на открывшееся зрелище. Ну... не очень богатое, сразу скажем. Несколько мешочков, а вот что в них за содержимое?

Оно оказалось достойным.

В одном из мешочков — красивое ожерелье, впору иной трайши, в двух других — золотые монеты. По прикидкам Тайяны, их хватило бы на пару лет скромной жизни не слишком расточительному человеку. В самом маленьком, фиолетовом с золотой вышивкой, обнаружился зеленоватый порошок, похожий чем-то неуловимым на табак.

Яна коснулась его пальцем, понюхала, растерла пару крупинок.

— Халар.

— Халар? — не понял Рошер. А вот в глазах Керта мелькнуло узнавание. Слышал, определенно.

— Им пользуются лекари, чтобы погрузить больного в сон. Чуть больше — не проснешься, чуть меньше — будет больно. Неудобная вещь.

— А зачем она Синте?

— Есть один вариант. Если курить его или просто жевать... ты понял?

— Р-раш! Так это «зеленая дымка»?!

— Да. И эта — даже с пропиткой.

— Это как?

— Ну, обычный халар, его еще называют лекарским порошком... Рош, неужели не слышал?

— Да у него столько названий... Может, и слышал, но не запомнил.

— Ага. Так вот, обычный халар дают не ради удовольствия, а чтобы облегчить боль. А если вот так, курить его, тут вопрос стоит иначе. Его вымачивают в вине определенного сорта несколько дней или недель, потом высушивают и только потом продают. Говорят, так вкуснее. Грезы ярче. Соответственно, чем дороже вино и дольше вымачивание...

— А здесь?

— Достаточно дорогой вариант. Я бы сказала, этот порошок просто так не достать. И стоит он... ну, я ваших цен не знаю, но дорого. Определенно.

Керт хлопал глазами.

— То есть она...

— Ваша сестра баловалась порошком. И что? Вы не знали?

Знал. Точно знал — и не возражал. По принципу — сдохнешь сама, меня совесть мучить не будет.

— А вот это откуда? — Рошер приподнял ожерелье.

— Думаю, надо его нарисовать и спрашивать, — предложила Яна. — Не таскать же с собой столь ценную вещь?

Судя по количеству бриллиантов, действительно ценную.

— Можем попросить Аэлену. Она согласится.

Яна кивнула:

— Главное, чтобы лойрио согласился.

— Если хочет разобраться в этой истории — куда он денется? Ааша?

Волчица раскапывала лапой паркет. Получалось плохо, но друзьям хватило и намека. Под паркетной доской обнаружилось несколько связок писем, перетянутых разными ленточками. Голубой, розовой, зеленой...

— Почитаем?

— Конечно! Лойрио?

Керт тоже не отказался, так что письма поделили по-честному — каждому по связке — и принялись читать. На втором письме Яна почувствовала, что еще немного — и у нее ушки сгорят, а пепел вниз осыплется.

— Ох, еж...

— Р-раш...

— Твою ж...

Судя по реакции Рошера и Керта, остальные письма были не лучше.

На тонком листе бумаги, который держала Яна, дорогими чернилами лилового цвета изящным почерком было написано, что Синта проделает с адресатом. И фантазия у девушки работала так, что, ей-ей, письма надо отдать в бордель, пусть опыт перенимают. О половине способов Яна и не слышала...

Но интересным было не письмо Синты, нет. А записочка, приложенная к нему. Где

адресат отвечал и подписывался.

— Какая умная девушка!

— Да уж, — согласился Рошер. — Писала письмо, делала копию, отправляла, получала ответ и скрепляла попарно.

Яна прищурилась:

— Поправь меня, но это похоже не на любовную переписку, а на радость шантажиста, нет?

— Чего тебя поправлять, ты права, — буркнул Керт, спонтанно переходя на «ты». — За Синтой бы не залежалось.

— Тогда тут должны стоять подписи или... что-то. Как можно опознать автора?

— А это нам Керт поможет. Он-то знает, кто как подписывается, нет?

Керт вздохнул, пошуршал письмами...

— Понимаете, у нас этим мать занимается. Отвечает, принимает...

— Я у Эмины спрошу, — осенило Рошера.

— Точно! Она знать обязана, служба такая. — Яна согласно кивнула.

— Эмины? — не понял Керт. Рошер махнул на него рукой, мол, не забивай голову.

— Письма мы забираем, наркотик сейчас сдадим твоему отцу. А деньги у сестры откуда? Не знаешь? Драгоценности?

— Первый раз вижу и слышу.

Яна фыркнула:

— Если б я баловалась дымкой или дурью, уж точно бы родителям или брату отчитываться не побежала. Нашла бы способ заработать.

Рошер качнул связкой писем.

— Может, и нашла?

— Но при ней писем не было.

— Вообще — или не нашли?

— Думаешь, она кого-то шантажировала, но вместо этого, — Яна подняла ожерелье за кончик застежки, как дохлую крысу за хвост, — с ней расплатились кинжалом?

— Почему нет?

— Не знаю. Надо посмотреть и подумать. Но если и так — мы его точно не отыщем. Если письма этот некто забрал...

— А это еще не факт. Порасспрашиваем, сопоставим...

Керт переводил взгляд с одного на другую, потом помотал головой.

— Вы это серьезно?

Рошер и Яна переглянулись и кивнули:

— Да. А что?

— А то. Синта была гадиной. И кто бы ее ни убил — он доброе дело сделал. Не лезьте в это.

Рошер прищурился:

— А вот твой отец, парень, считает иначе. Плохая ли, злая — она была его дочерью, и ему хочется отомстить.

— А еще, — Яна смотрела в потолок, — понимаешь, просто так убивать, наверное, нельзя. Вас, людей, намного больше, чем нас, но если каждый так будет поступать, вас останется меньше, чем нархи-ро. Нельзя убивать человека. Можно решать вопрос миром, убеждать, на худой конец — пугать, угрожать... Но убивать? Тебе не кажется, что это

неправильно?

— Если б вы знали Синту, вы бы так не говорили.

— Да, никого из нас она убить не пыталась, — согласилась Яна. — Но ты учти. Если сейчас ее смерть останется безнаказанной, то убийца обнаглеет — это первое. И убьет еще не раз. И второе. Тебе родителей не жалко? Неизвестность, она ведь хуже ножа режет.

Вот на этом Керт и сломался:

— Жалко. Мать всю ночь отпаивали, отец чернее тучи... Р-раш! Даже сдохнуть эта сука нормально не смогла!

— Не дали. Ладно, Ааша, что еще есть?

Волчица почти по-человечески мотнула головой, мол, больше тайников не вижу, и направилась к выходу из комнаты. Яна с Рошером еще раз переглянулись и последовали за ней, прихватив трофеи.

Лойрио Эрен обнаружился все там же, принимал соболезнования. Но при виде друзей вежливо отставил в сторону какую-то даму необъятных размеров и вскинул бровь.

Нашли? Что?

Рошер кивнул в сторону двери.

Нашли. Только не при всех же...

Лойрио Эрен понял правильно, и через пять минут они уединились в кабинете.

Наркотик ожидаемо вызвал ярость. Ожерелье — удивление. Золото — тоже.

— Синта постоянно требовала у меня денег «на булавки». Я почти не давал, столько она бы и за пять лет не накопила.

— Видимо, пять лет ей ждать не хотелось, — согласился Рошер. — А вот это вы не узнаете?

Выложенные перед лойрио Эреном записки (без писем Синты) повергли градоправителя в недоумение:

— Это что?

— Тоже было у вашей дочери.

— Надо позвать жену. Я этим не занимаюсь.

Лара Талея уверенно опознала почерк лойрио Реваля, лойрио Кандера, Тарема и Жалниса. Но... двух последних просто не было в городе. Уехали в столицу проветривать тоску. Точно?

Да, очень точно. Уж она-то знает.

— Значит, Реваль и Кандер. — Яна мысленно переглядела список.

Эх-х-х, вот ведь проблема? Их с Рошером только двое, а этих уже набралось — хоть в пучок завязывай. И таверна со странным названием «Ражий медведь», и насчет ожерелья надо узнать, и с Ланистом встретиться, поговорить, и в порту побывать, и эти...

Определенно, Синта была очень деловой девушкой.

Зар-раза!

* * *

В таверну решили идти сразу, не дожидаясь вечера. Ни к чему. И хозяин, глядишь, разговорчивее будет, и слуги, и вообще — есть вещи, о которых в толпе говорить... неудобно. Это потом жить мешает. Хотя воля б Тайяны — она бы эту таверну под ноль снесла и новую

построила. Клоповник-блошатник, иначе и не скажешь. Невысокое приземистое здание, наполовину вросшее в землю с отродясь не мытыми окнами и не крашенное уже лет десять точно. На крыше кое-где мох растет... Одним словом — ужас. Можно даже — УЖАС, учитывая запах, которым оттуда несло.

Подгорелая еда, кислое пиво, сивуха, пот, грязь, кровь... Ааша смотрела на хозяйку, как на врага народа.

Мы и правда туда пойдем?! Тебе, двуногой, хорошо, ты и половины не чувствуешь. А я... ФУ!

— Хочешь — оставайся. — Яна потрепала Аашу по загривку. — Подождешь нас здесь?

Волчица сморщила нос, чихнула. Нет, не подождет. Мало ли что? Разве хозяев можно отпускать без присмотра? Они глупые, вдруг кто Тайяну обидеть захочет? А она, Ааша, и вступить не успеет? Нет, так не пойдет. Волки умные, волки точно знают, что врага надо загрызть заранее. До того, как он причинит вред.

Внутри таверна оказалась еще противнее, чем снаружи. Во всяком случае, таких откормленных тараканов Яна даже в Лесу не видела. Но — день, так что за столами было почти пусто. Пара пьянчужек, один из которых дрых на столе, а второй под, — не в счет. И хозяин, который меланхолично протирал кружки таким грязным полотенцем, что, ей-ей, полы были чище.

Рошер злорадно ухмыльнулся:

— Кишер! Какая встреча!

— Вайст, — без особого воодушевления отозвался мужчина. Да уж, не красавец. Высокий, толстый, с рыжеватыми усами и бегающими глазками, неуловимо похожий на того самого таракана-рыжеусца. — Тебе чего понадобилось?

— Как всегда — пошептаться. — Рошер обвел взглядом таверну. — Здесь? Там? — Кивок в сторону задней двери.

Рыжеусец скривился так, словно ему вода в больной зуб попала.

— С каких это пор ты при делах?

— Я всегда при них, — парировал Рошер.

— А не боишься, что вторую руку оторвут? — нехорошо прищурился Кишер.

— Р-ры, — вежливо сказала Ааша, кладя передние лапы на стойку. Позволять оскорблять своих друзей она не собиралась.

Вот этого трактирщик точно не ожидал. Ааша в стоячем виде была немногим меньше, чем он, так что перед лицом замаячила здоровущая пасть с алым языком и набором идеально белых зубов.

Рыжеусец как-то тоненько, по-бабьи вскрикнул, дернулся и сел на попу. Прямо за стойкой.

— Р-ры...

Ааша явно разочаровалась. Что это за враг такой неудобный, которого ни покусать, ни погрызть? Но на стойку поглядела оценивающе.

— Рухнет, — предупредила подругу Яна. — Лапы поцарапаешь.

Очередное «р-ры» прозвучало как «э-э-эх»... Ааша сморщила нос и вернулась к Тайяне. Рошер оперся на стойку и поглядел внутрь. Трактирщик сидел среди тряпок и кружек, глядя вверх ошалелыми глазами.

— Вылезай...

«Трус навозный», — так и угадывалось во взгляде Рошера.

Ага, размечтался.

Кишер посмотрел снизу вверх.

— А... а...

— А это милое создание тебя не тронет. Если наглотать не будешь.

— Р-ры, — подтвердила Ааша.

— Н-не... не...

— Попросить ее залезть?

Трактирщик замотал головой еще сильнее. Рошер преодолел брезгливость и протянул ему руку.

— Давай-давай.

Уговаривать труса пришлось еще минут пять, но наконец Кишер вылез и даже смог нормально говорить — приняв на грудь несколько капель из бутылочки под прилавком. Судя по запаху, это был самогон, но хороший, двойной очистки.

— Кишер, что ты знаешь про Синту Эрен? — наконец мягко поинтересовался Рошер.

Судя по глазам — и рад бы не знать, а соврать не выйдет.

— Я...

— Учти, эта милая зверушка лгунов не любит. Или любит, но не в том смысле, что тебе понравится.

Кишер покосился налево, потом направо, но, видя, что сбежать не удастся, обреченно вздохнул:

— Ладно. Дело было так...

Однажды Синта Эрен пришла в таверну и предложила Кишеру сделку. Прекрасно понимая, что нет отбросов, а есть кадры, она хотела, чтобы трактирщик сводил ее с нужными людьми. С кем?

Наемники, пираты, убийцы, воры. Не с хоши же ей встречаться требовалось. Правда, Кишер деликатно именовал сию гвардию «ночными работягами», но основное понятно.

С кем сводил?

Да пару раз с ворами... требовалось ей, чтобы что-то выкрали. Точно Кишер не знал, справедливо полагая, что некоторые знания укорачивают жизнь.

Убийцы?

Нет, этого не было. А вот пираты были.

— Р-ры, — намекнула Ааша.

И тут же оказалось, что и убийцы были. Один раз, правда.

— Кто? — вцепился Рошер.

— Есть такой Дареш, его Окунем кличут.

— Давно?

— Да месяца два тому...

— И?

— И ничего...

— Кишер, не юли. — Вайст сверкнул глазами. — Я ведь градоправителю капну — и сгорит твоя хибара. С тобой вместе и тараканами на закуску.

Кишер фыркнул:

— Да хоть укапайся, дождик нашелся. Ты что думаешь — я бы с этой соплячкой серьезных ребят знакомить стал? Дареш — дурак бесталаный, такого второго поискать. И страже бы сдали давно, да его мать — мне троюродная сестра. Вот и подсунул работенку

сопляку.

— И какая работа требовалась? — Яна не влезала в допрос, но сейчас ей стало интересно.

— У лойрио Реваля жена есть. Вот и... хотелось девке, чтобы той не стало.

— Реваль? Хорошо, попомним, — кивнула Яна. Ааша молчала, значит, трактирщик не лгал. — А еще с кем вы ее сводили?

— С пиратами. Но это дней пять тому как.

— С кем?

— Есть такой кораблик «Беспутная чайка». Вот с его капитаном и свел.

Яна смотрела, приподняв бровь. Кишер усмехнулся, обретая частицу прежней наглости:

— Именно. Щенки, мелочь трепаная, вдоль побережья шакалят...

— А на что серьезное способны? Убить там?

— Чай, не хоши.

Яна кивнула:

— Значит, Реваль, Окунь... Кстати, где он ловится?

— Да можете здесь подождать, к вечеру будет.

— Кишер, не свисти. А то я не знаю, что ты его упредишь. Нет уж, сейчас пойдешь с нами в гости к своему Окуню. Побеседуем. Ну и коли все в порядке — обещаю: ни слова градоправителю не скажу ни про тебя, ни про племянничка. — Рошер смотрел серьезно. — Мне в дела Реваля смысла нет лезть, да и не слышал я, чтобы он овдовел?

— Козе понятно, что Дареш и репу не нарежет, — ухмыльнулся Кишер. — Да только и заказчица крик не подняла бы.

— Время тянули?

— А то ж. Да и лара Реваль то в столице, то еще где... Доберись до нее...

Яна переглянулась с Рошером, подумав, что до Аэлены в такой ситуации добраться таки пытались. И ведь почти получилось.

— Скажи, оно вам даром не надо. Не станете вы так рисковать ради этой заказчицы. Не те деньги, не та сила, чтобы заставить вас договор соблюдать. Значит, «Беспутная чайка»... А ворье?

— Ей давненько ничего не надо. Так что ребят не сдам, к тому же нет их в городе. Двое с петлей сплясали, еще один уехал.

— Не врешь, — кивнула Яна. — А теперь расскажи про недавнее. Когда она последний раз здесь была?

— А вот аккурат перед смертью и побывала. — Кишер уже обнаглел вконец и чувствовал себя вполне спокойно. — Она тут мужиков несколько раз ловила. Переодевалась во что попроще, пару платьев у меня держала...

— И в тот раз переоделась? — Рошер аж подобрался.

— Каждый раз. Лайри все ж...

Яна коротко выругалась:

— Рош, мы болваны. И не заметили, что платьице-то на ней дешевенькое...

И верно, такое платье могла бы надеть трактирная девушка, а не лайри. Но когда мужчины обращали внимание на такие вещи? А Яна и не подумала, у нархи-ро культа одежды отродясь не имелось. Была бы чистой, удобной да к лицу. А цена... А что — цена? Нархи-ро свои ткани сами делали, ткали, красили, вот и выходило, что дешево... Это во внешнем мире одежда из их ткани стоила бешеных денег, а самим нархи-ро она пустячной

казалась.

— Потом ее комнату покажешь, — решил Рошер. — Значит, переоделась, спустилась...

Кишер задумался. А затем махнул рукой с видом «сгорел сарай, гори и хата».

— И присмотрела себе «бобра» на вечер.

— Ощипать?

— Нет. Такое чувство, он ей не почесаться нужен был, а... чтобы был? Как-то так, не знаю...

— Свидетель? Или чтобы на него сослаться, мол, ночь с ним провела? — принялся гадать Рошер.

— Вот скорее второе. Точно не скажу, а только что-то она ему подлила — мигом парень поплыл, она его чуть не на себе за порог вытащила.

— И сама тащила? До сараев?

Яна спрашивала не просто так. Ивара она не видела, но подозревала, что не хлюпик...

— Помогли ей, — буркнул нехотя Кишер.

— Кто?

— Я слугу попросил...

— Зови.

Явленный пред очи слуга и не отрицал ничего. А чего ему? Хозяин приказал помочь, вот они Ивара взгромоздили на лошадь, да и отвел он и лошадку, и девушку к сараям. Ну и... того. Было... А чего — отказываться, если девица сама предлагается?

Потом он взгромоздился на ту же лошадь и отправился в трактир. А Синта собралась провести время в сарае.

— Ну, если она никого не ждала — зовите меня бобром. — Рошер потер лицо ладонями. — Точно, нужен ей был кто-то, чтобы подтвердить, что она всю ночь с ним провела, никуда не отлучаясь.

— Тогда это не «Чайки», факт. С такими придурками... Им и таверны с лихвой бы хватило.

— А къянти с ней здесь познакомились?

И вот тут Кишер побледнел, что та стена.

— К-къянти?

— Я про них знаю, — спокойно сообщила Яна. — Но хотелось бы подробности. Кто, что, где...

— И мне тоже. — Рошер прищурился.

Ааша согласно рыкнула — и трактирщик сдался. Почти...

— Это опасные люди. Очень.

— Ты не свисти, ты рассказывай, — надавил Рошер.

— А ты понимаешь, что за некоторые рассказы...

— Вполне. Дальше меня не уйдет.

Кишер помялся, вздохнул и принялся выкладывать. Надеялся промолчать, но Ш'аальзея ему шансов не оставила.

Ни для кого не секрет, что городское дно порезано на вкусные кусочки пирога «ночными хозяевами». И делиться никто не хочет. А уж порт — весьма и весьма лакомое местечко. И с прибывающих кораблей взимается определенная мзда. Небольшая, почти медяки, но с одного корабля, с другого — и на день накапывает до золотого, а там и побольше.

Этот корабль стал исключением.

Порт «держал» ночной хозяин по кличке Осьминог, прозванный так и за цепкость, и за жадность, и за отсутствие эмоций. Ей-ей, у настоящего осьминога их куда как побольше. Он и потребовал платить...

Вместо денег его посланцы получили пинки и вылетели с корабля в единый миг.

После был отправлен отряд побольше.

Повторилось то же самое.

А потом на берег спустился капитан корабля и направился напрямик к логову Осьминога. О чем уж они там говорили — неизвестно, но денег ночному королю никто не заплатил, так что общественность поняла: это не простые люди. Ой не простые...

— Чем занимаются?

Трактирщик только руками развел:

— Знать не знаю.

— Ты — и не знаешь? — искренне удивился Рош.

— А иногда, — Кишер смотрел серьезно и как-то... недобро, — стоит не знать, чтобы дольше прожить. Понимаешь?

Рошер и Тайяна переглянулись.

— Осьминог может знать?

— Наверняка. Только вряд ли скажет.

Яна передернула плечами — мол, куда он денется, если им захочется? Но ладно. Пускай пока живет.

— Покажи комнату Синты.

— Да там и нет ничего.

И верно — не было. Синта знала цену Кишеру, и ничего ценного хранить в таверне не собиралась — вот еще! Только платье лежало на кровати. Дорогое, красивое... Яна скользнула ладонью по тонкой ткани.

— Рош, вот что ей надо было? Родители любящие, брат, достаток в семье... Могла замуж выйти и жить, как все люди.

— Ну так и тебе дома не сиделось?

Рошер попал не в бровь, а в глаз. Яна поморщилась:

— Я не разрушала свою жизнь. И чужую не пыталась. А она?

— Это уж у кого на что ума хватает. Ты пытаешься построить, она пыталась разрушить.

Кишер кивнул:

— Не надо понимать таких людей, девочка. Просто надо их принимать, а лучше — держаться подальше. Здоровее будешь.

Яна пожала плечами:

— Не понимаю, но соглашусь. Ааша?

Но, кроме платья, в убогой комнатенке ничего не было.

— Теперь к Окуню, — решил Рошер.

Трактирщик кивнул, смиряясь с происходящим.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

Автор знает, что кит — это млекопитающее, но на Амальдее Линней еще не родился. Так что для них все, кто плавает в море, — рыбы (*прим. автора*).